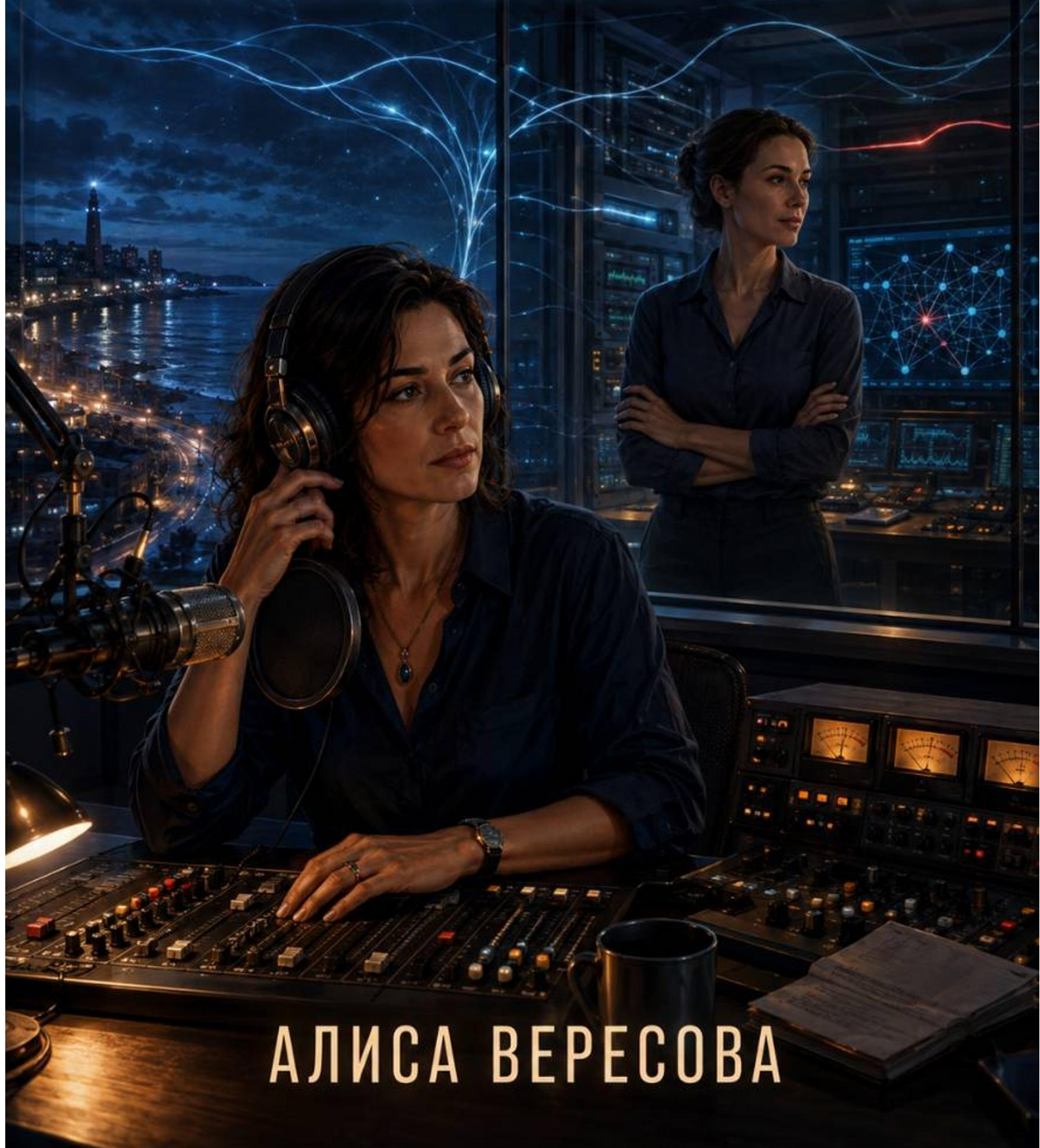

РАДИО ДЛЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ МИРОВ

АЛИСА ВЕРЕСОВА

Алиса Вересова

Радио для параллельных миров

«Автор»

2026

Вересова А.

Радио для параллельных миров / А. Вересова — «Автор», 2026

Каждую ночь радиоведущая Лада Миронова слышит звонки из параллельных миров за несколько часов до катастроф. Ответить можно только одному миру, а плата за девяносто секунд предупреждения — точное воспоминание, которое исчезнет навсегда. Инженерка межветвевой связи Зоя Арден помогает Ладе отличить подлинный сигнал от ловушки. Но чем больше людей удаётся спасти, тем опаснее становится власть единственного голоса. Когда выбор касается родного брата Лады, личная цена сталкивается с правилами, которым город только учится доверять. Чтобы радио не зависело от героизма и жертвы одного человека, Ладе и Зое придётся открыть технологию, разделить право решения и построить систему, в которой любой участник может остановиться. «Радио для параллельных миров» — научно-фантастический роман о памяти, согласии, зрелой любви и ответственности за тех, чей голос ты слышал.

© Вересова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Нулевой звонок	6
Глава 2. Инженерка без лица	12
Глава 3. Семь часов разницы	18
Глава 4. То, чего нет на записи	24
Глава 5. Один из трёх	30
Глава 6. Голосовая проба	35
Глава 7. Мир без Кирилла	39
Глава 8. Девяносто секунд	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алиса Вересова

Радио для параллельных миров

От автора

Иногда чужой голос достигает нас слишком поздно, а иногда — раньше, чем мы готовы решить, что с ним делать. Эта история родилась из вопроса: может ли право предупредить стать справедливым, если времени хватает только на один ответ?

«Радио для параллельных миров» — роман о цене внимания, профессиональной ответственности и близости, которая начинается со слышимого голоса, но не подменяет собой выбор. Его эфиры не требуют верить каждому сообщению. Они требуют проверять, кто говорит, кто платит за решение и почему право нажать кнопку оказалось у одного человека.

Глава 1. Нулевой звонок

В ноль семнадцать телефон студии зазвонил без номера.

Не высветился даже служебный прочерк — маленькое серое тире, которым пульт обычно обозначал внутреннюю линию. На экране возникла белая окружность и начала медленно наливаться красным, будто аппарат не принимал вызов, а вспоминал, как это делается.

Лада Миронова убрала палец с клавиши микрофона.

За стеклом аппаратной никого не было. Ночную смену урезали ещё весной: один ведущий, один автоматический режиссёр и аварийный редактор на удалённой связи. В углу мигал жёлтый индикатор «Хора» — экспериментального блока, который директор велел не трогать и по возможности не замечать. За три месяца блок не сделал ничего интереснее, чем дважды перегрел стойку.

Лада подвинула к себе журнал звонков. В верхней строке стояла дата: 18 октября 2096 года. Ниже — привычные пометки: водитель с Восточной эстакады просит поставить старую песню; медсестра жалуется на неработающий кофейный автомат; неизвестный дышал в трубку и отключился. Перед странным вызовом она поставила время и вопросительный знак.

Красный круг заполнился.

— Радио «Полночь», программа «После полуночи». Вы в эфире через десять секунд. Как к вам обращаться?

Ответ пришёл с запозданием, но не таким, как при дальней связи. Сначала в наушниках щёлкнуло, затем послышался тяжёлый гул воды, и лишь потом — женский голос:

— Вы меня уже слышите?

Голос был взрослый, хриплый от холода или долгого крика. Женщина говорила тихо, словно рядом спали.

— Слышу. Назовите имя и место, пожалуйста.

— Нина Край. Нижний Приливск. Нас заперло в диспетчерской насосной номер четыре.

Лада машинально потянулась к клавише аварийного редактора. Нижнего Приливска официально не существовало. Так горожане называли кварталы за старым морским валом, но насосной номер четыре там не было. Ближайшая, третья, стояла у грузового трамвайного кольца.

— Нина, вы сейчас не в прямом эфире. Я должна проверить информацию. Что произошло?

— Северная створка не закрылась. Вода уже в галерее. Связь с городом только через вас.

Гул за её голосом стал громче. В нём угадывались удары: три коротких, пауза, ещё два. Лада включила запись и открыла аварийную карту.

— Уточните адрес насосной.

— Улица Портовых Огней, восемнадцать. Вы же знаете. Башня видна из окна.

На карте улица называлась Огневой. Дом восемнадцать был муниципальным архивом, а из его окон действительно виднелась старая телебашня. Совпадение оказалось достаточно точным, чтобы ладони похолодели, и достаточно неправильным, чтобы не нажимать тревожную кнопку.

— Сколько вас?

— Здесь семеро. Но дело не в нас. В два сорок восемь лопнет восточный карман. Если откроют южный водосброс, затопит только промзону. Если станут держать уровень, вода пойдёт в жилые кварталы. Передайте диспетчеру: отказ не в приводе. Заклинило датчик угла, створка показывает двадцать два градуса, хотя лежит на упоре.

Лада посмотрела на часы. 00:19.

— Откуда вы знаете время?

— Потому что у нас уже два пятьдесят шесть.

Женщина произнесла это без нажима, как факт, слишком давно переставший быть странным.

В аппаратной погас свет.

На полсекунды студия осталась освещена только городом и красным кругом на экране. Потом включились аккумуляторы. Индикатор «Хора» сменил жёлтый цвет на белый, а по его шкале побежали частые деления.

— Нина, какая сегодня дата?

— Восемнадцатое октября.

— Кто сейчас ведёт «После полуночи»?

В трубке возник шум, похожий на рассыпающуюся крупную соль.

— Лада Миронова. То есть вы. Поэтому я и дозвонилась.

Лада отключила эфирный канал от общей шины, хотя звонок и так не был выведен слушателям. Красная лампа над дверью продолжала гореть. Автоматика запустила музыкальную перебивку — четыре минуты спокойного фортепиано, предназначенные для случаев, когда ведущему нужно связаться со службами.

— Мы раньше разговаривали?

— Не успели. В нашем городе ваша станция закрылась три года назад.

Музыка в наушниках шла отдельно от голоса. Нина слышала не её: она слышала только Ладу и воду.

Лада вызвала Риту Сокол. Подруга ответила на второй гудок, без изображения.

— Если это опять грузовой трамвай, пусть пишут в службу путей.

— Возможная авария дамбы. Женщина утверждает, что находится на несуществующей насосной. Называет время на два часа тридцать семь минут позже нашего.

Сон из голоса Риты исчез.

— Запись включена?

— Да.

— Геометка?

— Нет номера и пакета маршрутизации. Вызов висит на контуре «Хора».

На линии стало тихо.

— Не отвечай ей ничем, чего нет в открытом доступе, — сказала Рита. — И не обещай передачу. Я подниму дамбу и городскую аварийную.

— Там семеро заперты.

— Я услышала. Сначала проверка.

Рита отключилась. Лада вернулась к звонку.

— Нина, мне нужно подтверждение. Назовите деталь, которую можно проверить сейчас и которая не опубликована в сети.

— У вас сейчас?

— Да.

— Тогда у северной створки должен быть сухой резервный привод. Его сняли на обслуживание сегодня в двадцать один десять. В журнале написали «вибрация ротора», но причина другая: на кожухе нашли соляную дорожку. Она идёт из кабельного ввода.

Лада записала каждое слово. Кирилл дежурил на дамбе до шести утра. Звонить брату напрямую означало обойти редакционный протокол, но протокол не предусматривал разговоров с женщиной из времени, которое ещё не наступило.

Она набрала служебный номер диспетчерской.

— Дамба, ночная смена, — ответил Кирилл. На фоне звучали клавиши и чьё-то далёкое ругательство. — Если хочешь узнать, поел ли Тим, он соврал нам обеим и заказал лапшу.

— Кир, мне нужна техническая проверка. Северная створка, резервный привод. Его снимали сегодня?

— Откуда ты... Подожди.

Он не отключил микрофон. Лада слышала, как отодвинулось кресло, как Кирилл попросил кого-то открыть журнал обслуживания. Нина дышала в другом ухе. Между двумя линиями пробивался ровный высокий тон.

— Сняли в двадцать один двенадцать, — вернулся брат. — В журнале вибрация ротора. Что случилось?

— На кожухе была соль?

— Это не внесли. Лада, кто тебе сказал?

— Проверь датчик угла. Не привод — именно датчик. И готовность южного водосброса.

— У нас нет аварийного режима. Уровень ниже расчётного на метр двадцать.

— Просто проверь.

Кирилл выдохнул так, чтобы она услышала раздражение.

— Я проверю, потому что ты не звонишь сюда ради розыгрышей. Но пришли источник Рите. И не лезь в технические команды сама.

— Договорились.

Она сказала это слишком быстро. Кирилл всегда распознавал такую интонацию, но спорить не стал.

Когда Лада снова открыла канал Нины, гул воды почти заглушал слова.

— Они проверяют.

— Проверяют у вас или у нас?

— У нас.

— Этого недостаточно.

Красный круг на экране сжался, превратился в кольцо. Рядом появилась надпись, которой прежде не было: «ОКНО ОТВЕТА — 01:26». Ниже шёл обратный отсчёт.

— Что будет достаточно? — спросила Лада.

— Передайте в нашу ветвь. У вас есть передатчик.

— Я не знаю, как им пользоваться.

— Знала та, другая. Она говорила: голос удерживает адрес, а память платит за дорогу.

— Какая другая?

Вместо ответа раздался металлический треск. Нина вскрикнула, кому-то велела подняться на стол.

— Лада, времени нет. Код водосброса семь-альфа-девять. Скажите это слово в слово: «Закройте сектор три, откройте южный канал, проверьте нулевое положение механически». Не называйте наш адрес вслух. Адрес уже держится на мне.

Лада записала фразу крупными буквами. Рядом поставила: НЕ ПЕРЕДАВАТЬ БЕЗ ПРОВЕРКИ.

Музыкальная перебивка закончилась. Автоматика вывела в эфир джингл, затем открыла студийный микрофон. Лада одним движением закрыла канал звонка, выпрямилась и заговорила для обычного города:

— Это «Полночь». На часах двадцать пять минут первого. Аварийные службы проверяют техническое сообщение, причин для тревоги в Приливске сейчас нет. Мы продолжаем программу без звонков в эфир.

Слово «сейчас» показалось ей нечестным, но другого точного слова не было.

Она поставила инструментальную дорожку на двенадцать минут и открыла видеосвязь с Ритой. Та уже сидела в редакционном модуле, волосы собраны кое-как, на трёх экранах — схемы дамбы, сводки и спектрограмма голоса.

— Подтверждение по приводу получила, — сказала Лада.

— Я тоже. Городская аварийная считает утечку служебных данных вероятнее предсказания. Они проверяют весь северный узел.

— Нина назвала код семь-альфа-девять.

Рита замерла.

— Этого кода нет.

— Уверена?

— В нашей редакции плана — нет. Есть семь-альфа-восемь и семь-бета-девять.

— Значит, розыгрыш?

— Значит, деталь не подтверждена. Это не одно и то же.

Лада посмотрела на обратный отсчёт. Пятьдесят девять минут.

— Она просит отправить предупреждение обратно.

— Как?

— Через «Хор». Говорит, голос удерживает адрес, память платит.

Рита прочла что-то на соседнем экране.

— Антон едет на станцию. Ничего не включай до его приезда.

— А если окно закроется?

— Тогда оно закроется без нашего неподтверждённого вмешательства.

— У неё за спиной вода.

— И именно поэтому ты сейчас не можешь быть единственным человеком, который решает, настоящий ли это голос и что сломает неизвестный передатчик.

Лада хотела возразить, но Рита сказала не «не имеешь права», а «не можешь быть единственным человеком». Разница удержала её руку над пультом.

В 00:42 Кирилл прислал фотографию датчика северной створки. Цифровой указатель показывал двадцать два градуса. На втором снимке механическая риска стояла у нуля.

«Датчик врёт, — написал он. — Створка закрыта. Начинаем замену. Откуда данные?»

Лада переслала снимки Рите и спросила Нину:

— У вас датчик тоже показывал двадцать два?

— Да.

— Но в нашем мире створка закрыта. Мы нашли неисправность заранее.

Нина некоторое время молчала.

— Тогда у вас отказ пошёл иначе.

— Что значит иначе?

— У нас механическая риска тоже была у нуля. Поэтому смена решила, что врёт только датчик. А створка уже отошла от упора после второго приливного толчка. Проверяли не под нагрузкой.

Лада снова набрала Кирилла.

— Нужна проверка положения под нагрузкой.

— Ты теперь управляешь дамбой по радио?

— Нет. Передаю конкретный риск: механическая риска может не показать отход после приливного толчка.

Кирилл помолчал.

— Это уже передал Рите?

— Да.

— Хорошо. Тогда проверим комиссионно.

Он отключился до того, как она успела поблагодарить. В этом тоже была забота: не позволить ей принять чужую работу за услугу себе.

В 00:58 на станции появился Антон Шер. Он вошёл в аппаратную в застёгнутом не на те пуговицы пальто, посмотрел на белую шкалу «Хора» и впервые за восемь лет не поздоровался.

— Канал кому-нибудь показывали?

— Рите и аварийной службе, — ответила Лада.

— В эфир выводили?

— Нет.

Антон провёл ладонью по лицу и наклонился к экспериментальному блоку.

— Этот узел не должен был принимать речь.

— Но принял.

— Я вижу.

— Что значит «память платит за дорогу»?

Он посмотрел на неё слишком быстро.

— Фольклор техников.

— Тогда почему вы его знаете?

Антон не ответил. На экране оставалось двадцать семь минут. Нина больше не говорила; слышались вода, короткие команды и частое дыхание семи людей, поднявшихся, вероятно, на столы и шкафы.

В 01:07 пришёл отчёт дамбы. Под нагрузкой северная створка удержалась, но датчик действительно мог маскировать отход. Смену усилили, южный водосброс перевели в готовность. Угроза для их Приливска была снята раньше, чем успела стать аварией.

— Значит, звонок уже спас наш город, — сказал Антон. — Этого достаточно.

— Не их город, — ответила Лада.

— Мы не знаем, существует ли «их».

Лада включила громкую связь. Нина в этот момент произнесла:

— Вода по пояс. Лев, держи кабель выше.

Антон вздрогнул, но не изменил решения.

— Передатчик не испытан. Если сгорит узел, станция получит счёт, который не переживёт. Если ударит по городской сети, последствия будут здесь, а не в гипотезе.

— Тогда зачем на экране кнопка ответа?

Под белой шкалой действительно появилась кнопка — узкая, без подписи, только с пиктограммой микрофона.

Антон шагнул между Ладой и стойкой.

— Потому что инженеры часто делают интерфейс раньше этики.

Это была разумная фраза. Лада ненавидела её за разумность.

В 01:18 Рита сообщила, что городская аварийная не разрешает запуск неизвестного оборудования, но просит сохранить канал и все журналы. Она не приказала Ладе молчать. Приказывать было уже поздно: обратный отсчёт показывал восемь минут.

— Нина, — сказала Лада, — я не могу подтвердить адрес передачи и последствия запуска.

— Понимаю.

В голосе женщины не было прощения. Только нехватка воздуха.

— Но я могу оставаться на линии.

— Оставайтесь.

Лада сняла наушники с одного уха. В студии Антон спорил с Ритой, на дамбе Кирилл руководил проверкой, обычный эфир заполняла музыка. В другом мире семь человек слушали, как вода поднимается к электрическим шкафам.

Она называла Нине время. Спрашивала имена остальных и повторяла их, чтобы никто не исчез в общем шуме: Лев, Мара, Елисей, Оксан, две женщины по имени Вера. Нина попросила не говорить слушателям, что они были спокойными. Они не были.

В 01:25 в динамике раздался низкий удар.

Белая шкала «Хора» вспыхнула. Кнопка ответа стала красной.

Лада положила на неё палец.

Антон замолчал.

— Если нажмёшь, я обесточу стойку, — сказал он.

— Тогда это тоже будет выбор.

— Да.

Никто в комнате не притворился, что выбора нет.

Лада не нажала.

Она продолжала держать палец на кнопке, пока цифры не сменились нулями. В 01:26 красный свет погас. В наушниках оборвался гул, а следом исчезло дыхание Нины — без последнего слова, без щелчка разъединения.

На экране появилась строка: «АДРЕС УТРАЧЕН».

Лада записала её в журнал. Под строкой о семерых вывела одно слово: «Не предупредили».

— Мы не знали как, — сказал Антон.

— Это другое предложение.

В два сорок восемь в Приливске ничего не рухнуло. Северную створку остановили для ремонта, южный водосброс открыли на четверть, и город продолжал спать. Лада сообщила слушателям о профилактической проверке, не называя источник. Её голос звучал ровно.

В 03:11 автоматический поиск поймал короткую новостную сводку на частоте, которой не было в городском диапазоне. Диктор торопливо говорил о прорыве восточного кармана, затоплении Нижнего Приливска и семерых пропавших сотрудниках насосной номер четыре.

Запись длилась девятнадцать секунд.

Антон прослушал её трижды и запер копию в служебном архиве. Рита потребовала независимую экспертизу. Лада выписала семь имён на отдельный лист и положила его под прозрачную накладку пульта.

В 04:37, за три минуты до окончания окна «Хора», на закрытом инженерном канале появился новый голос.

— Станция «Полночь», ответьте, — сказала женщина. — Я вижу ваш нулевой вызов. Кто разрешил ведущей удерживать адрес без фазовой карты?

Лада подвинула микрофон.

— Никто. Представьтесь.

— Зоя Арден, инженерка межветвевой связи. И до следующего окна вам нельзя отвечать ни одному голосу.

— Сегодня мы никому не ответили.

Короткая пауза была хуже возражения.

— Вы удерживали канал семьдесят одну минуту, — сказала Зоя. — Система уже считает это ответом.

Глава 2. Инженерка без лица

— Система уже считает это ответом, — повторила Зоя Арден.

Её голос приходил не через телефонную линию, а прямо с инженерной шины. На пульте не было ни номера, ни кнопки отключения. Только тонкая синяя полоса двигалась по экрану в такт речи.

Лада посмотрела на Антона. Директор стоял у двери аппаратной и едва заметно покачал головой: имени он не узнавал или хотел, чтобы она так думала.

— Что именно мы ответили? — спросила Лада.

— Присутствием. Чужая ветвь удерживала несущую вашим голосом семьдесят одну минуту. Вы дали ей опорный рисунок памяти.

— Я не включала передатчик.

— Передатчик включился при установлении адреса. Красная кнопка открывает речевой импульс, но стабилизация начинается раньше.

Антон придвинулся к микрофону.

— Инженер Арден, назовите организацию, идентификатор допуска и точку подключения.

— Сначала обесточьте речевой контур.

— Он в режиме приёма.

— Господин Шер, на вашей стойке нет отдельного режима приёма. Вы это знаете: вы подписывали акт временной эксплуатации.

Лада повернулась к нему. Антон застегнул пальто правильно, словно этим можно было вернуть разговор в рамки совещания.

— Акт касался пассивного мониторинга, — сказал он.

— Тогда прочитайте приложение четыре.

— Оно закрыто консорциумом.

— От ведущей тоже?

Синяя полоса замерла. Зоя ждала ответа не от Антона.

— От меня закрыто всё, кроме кнопки, — сказала Лада.

— Уберите руку от пульта и отойдите на два шага.

Приказ прозвучал спокойно, без попытки смягчить интонацию. Лада не двинулась.

— Сначала объясните, чем я рискую.

— Вы уже удержали чужой адрес автобиографической связностью. До диагностики нельзя добавлять новый голосовой отпечаток.

— Переведите.

— Не говорите в активный микрофон.

Лада закрыла канал физической клавишей. Синяя полоса исчезла. Через секунду на служебный планшет пришло текстовое сообщение: «ОТОЙДИТЕ ОТ СТОЙКИ. СВЯЗЬ — ТОЛЬКО ТЕКСТ».

Она отошла.

Зоя прислала схему. В центре был круг с подписью «локальная ветвь», вокруг — десятки неровных колец, похожих на годовые слои древесины. Между ними тянулись короткие дуги. Одна дуга, красная, соединяла Приливск с точкой «НК-18/10». Рядом мигало число 0,63.

«Это вероятность?» — напечатала Лада.

«Нет. Сходство фазового следа. Вероятность существования ветви не измеряется этим прибором».

«А 0,63 — много?»

«Для речевого контакта — опасно много».

Антон читал через её плечо. Лада заслонила планшет ладонью.

— Это станционное устройство, — заметил он.

— А риск, как выяснилось, мой.

Рита оставалась на видеосвязи. Она попросила добавить её в переписку и сразу написала: «Что означает опасно?»

Ответ пришёл после паузы.

«Ветка может повторно захватить тот же стабилизатор. Пока след не распался, ведущая не должна принимать звонки и пользоваться голосовыми системами рядом с узлом. Возможны ложные узнавания, выпадения эпизодической памяти, адресная ошибка при следующей передаче».

Лада перечитала фразу. Она помнила Нину: хриплый голос, семь имён, просьбу не называть их спокойными. Помнила Кирилла на дамбе и фотографию датчика. Помнила, как не нажала кнопку.

— Как понять, что память уже пострадала? — спросила она вслух и тут же увидела, как белый индикатор «Хора» вздрогнул.

Антон выругался и выключил студийный микрофон на общей панели.

На планшете появилось: «НЕ ПРОВЕРЯТЬ ВОСПОМИНАНИЯ НАВОДЯЩИМИ ВОПРОСАМИ. ВЫЙДИТЕ ИЗ ПОМЕЩЕНИЯ».

Лада вышла в коридор. За ней — Антон, прихватив служебный терминал, и голос Риты из динамика. Дверь студии закрылась. Впервые за много лет «После полуночи» продолжалась без ведущей: автоматика крутила музыку и каждые пятнадцать минут сообщала время.

В коридоре пахло пылью, нагретым пластиком и кофе из автомата, который никто не чистил с лета. Обыденность запахов оказалась полезнее любых заверений. Лада назвала про себя дату, свой адрес, возраст Тима, цвет куртки Кирилла на их последней прогулке. Всё было на месте.

Или ей казалось, что на месте.

Зоя перевела канал на защищённую аудиосвязь через терминал Антона.

— Теперь можно говорить, — сказала она. — Узел изолирован двумя стенами и экранной дверью.

— Покажитесь, — потребовал Антон.

— Нет.

— Почему?

— Потому что видеопоток не нужен для диагностики, а мой личный канал не входит в ваш договор.

Лада неожиданно улыбнулась. Не из-за отказа как такового, а из-за точности границы: Зоя не ссылалась на плохую связь, не делала вид, что камеры нет. Просто не отдавала изображение, которое у неё не просили по делу.

— Тогда хотя бы подтвердите полномочия, — сказала Рита.

На терминал пришёл сертификат консорциума: «Арден Зоя Марковна, ведущий инженер отдела фазовой адресации, допуск Ф-4». Подпись была действительна до конца года. Следом Зоя отправила хеш проектной документации и номер акта, упомянутого минуту назад.

— Ваш сертификат позволяет дистанционно командовать нашей сменой? — спросил Антон.

— Нет. Он позволяет предупредить, что ваша смена использует экспериментальный узел с неполной инструкцией. Командовать вы можете сами и отвечать тоже будете сами.

Рита включила запись разговора и объявила об этом всем участникам.

— Начнём заново, — сказала она. — Что такое фазовая карта?

— Набор признаков, по которым «Хор» отличает соседнюю ветвь от нашей и от других близких ветвей. Частота электросети, дрейф времени, спектр городского фона, локальные

события, акустика точки вызова. Один признак ничего не доказывает. Совпадение нескольких даёт адрес.

— Нина назвала несуществующую насосную и другой код водосброса, — сказала Лада.

— Хорошо.

— Что в этом хорошего?

— Несовпадения полезнее совпадений. Человек, который знает только ваш мир, старается угадать знакомые детали. Реальная соседняя ветвь неизбежно ошибается там, где история разошлась.

Зоя попросила переслать запись девятнадцатисекундной сводки. Рита возразила: материал опечатан до решения городской службы.

— Тогда дайте спектральный отпечаток без содержания, — предложила Зоя. — Мне нужны частотная сетка и отметка времени, не имена.

— Это возможно, — сказала Рита после короткой проверки.

Они договорились об обмене данными так быстро, будто много лет работали за одним столом. Лада слушала и чувствовала знакомое раздражение человека, чью историю превратили в таблицу. Потом вспомнила, что именно таблица могла дать следующему голосу больше, чем семьдесят одна минута сочувствия.

— Почему вызов пришёл ко мне? — спросила она.

— Пока не знаю.

— Нина сказала, что в её городе станция закрылась три года назад, но знала моё имя.

— Значит, сведения о вас сохранились в архиве или в другой связанной ветви.

— Она упомянула другую меня. Ту, которая знала о цене памяти.

В канале наступила тишина. Не техническая задержка — Зоя вдохнула перед ответом.

— Пришлите точную фразу.

Лада повторила: «Знала та, другая. Она говорила: голос удерживает адрес, а память платит за дорогу».

— Этой формулировки нет в открытых документах, — сказала Зоя.

— Но Антон её знал.

— Я слышала.

Директор снял пальто и аккуратно повесил на спинку стула.

— На закрытой демонстрации год назад инженер сказал похожее. Это не доказательство потери памяти.

— Кто был инженером? — спросила Рита.

— Не помню.

Никто не оценил иронию.

Зоя попросила Ладу пройти короткую проверку без подсказок: самой назвать пять событий последних суток и расположить их во времени, затем описать два давних эпизода, которые она вспоминала до звонка. Не содержание было важным, пояснила она, а цельность переходов: выпадение обычно оставляло факты, но убирало ощущение прожитого.

Лада рассказала, как утром отвела Тима к зубному врачу, хотя он уверял, что в пятнадцать лет способен дойти сам; как днём спорила с Антоном о сокращении прямого эфира; как вечером Кирилл привёз ей контейнер с тушёной рыбой. Потом выбрала два старых воспоминания: первую смену на «Полночи» и день, когда Тим научился плавать.

— В первую смену я перепутала два микрофона и три минуты читала новости выключенной стене. А Тим вцепился в меня посреди бассейна и заявил, что вода нарушает его личные границы.

Она засмеялась. Рита тоже. Антон смотрел на терминал.

— Эмоциональный отклик есть, — сказала Зоя. — Это ничего не гарантирует, но крупного выпадения сейчас не видно.

— А мелкое?

— Можно не заметить никогда.

Эта возможность испугала Ладу сильнее, чем явная пустота. Потерянное воспоминание хотя бы оставляло бы край, о который можно удариться. Незамеченная потеря меняла человека без свидетеля.

— Вы знали о таком риске до установки узла? — спросила Рита у Антона.

— В документации стабилизатор назывался «биографическим шумоподавлением». Последствия обозначались как гипотетические.

— Покажите документы.

— Утром.

— Сейчас.

Антон открыл рот, но Зоя перебила:

— Я отправлю приложение четыре обеим. Господину Шеру оно всё равно было выдано в неполной редакции.

— Вы только что нарушили режим доступа? — спросил он.

— Нет. Пункт об угрозе оператору разрешает раскрытие тем, кого эта угроза касается. Ваш юрист подтвердит.

Файл пришёл Ладе и Рите одновременно. На первой странице стоял гриф консорциума, на седьмой — схема речевого контура. Раздел о рисках занимал один абзац мелким шрифтом: возможна дестабилизация автобиографической индексации у голосового оператора при длительном удержании адреса.

— Вы называете это абзацем? — спросила Лада.

— Я называю это причиной, по которой три месяца спору с отделом безопасности, — ответила Зоя.

— Но узел всё равно работает.

— Потому что я отвечаю за адресацию, а не за размещение. И потому что ваш директор подписал акт.

Антон ничего не сказал.

В пять десять Рита составила временный запрет на использование «Хора». Зоя его не одобрила.

— Полное отключение опаснее контролируемого приёма, — объяснила она. — После нулевого вызова адресный след может вернуться. Если стойка будет обесточена, мы потеряем журнал и не увидим захват до того, как он пойдёт через городской передатчик.

— Тогда предложите условия, при которых никто не становится живым расходником, — сказала Рита.

Зоя прислала протокол из восьми пунктов.

Первое: во время окна в студии находятся минимум два уполномоченных сотрудника.

Второе: каждый вызов остаётся вне эфира до проверки трёх независимых фазовых признаков.

Третье: ведущая не удерживает линию дольше девяноста секунд до первичной адресации.

Четвёртое: никаких обратных передач без механического ключа редактора, цифрового ключа инженера и отдельного устного согласия голосового оператора.

Пятое: оператор может отказаться в любой момент без объяснения причин.

Шестое: после любого удержания — проверка памяти и двенадцать часов без повторного контакта.

Седьмое: все решения, включая отказ, фиксируются в журнале.

Восьмое: протокол действует одну ночь и прекращается автоматически в 04:40.

— Почему только одну? — спросила Лада.

— Потому что я не видела вашу стойку своими глазами, — сказала Зоя. — И потому что временное правило не должно притворяться законом.

— Когда увидите?

— Не раньше, чем консорциум разрешит выезд.

— Значит, вы будете голосом в терминале и запретите мне отвечать другим голосам?

— Я запрещаю использовать мой цифровой ключ, если адрес не подтверждён. Вашим голосом распоряжаетесь вы.

Лада снова заметила точность. Зоя не говорила «я вас не пушу» и не обещала защитить её от всего. Она называла только ту часть решения, которая принадлежала ей.

Рита предложила добавить девятый пункт: сведения о возможной цене нельзя скрывать от городской аварийной редакции и самого оператора. Антон возразил, что публикация вызовет панику и поставит под угрозу лицензию станции.

— Не публикация, — уточнила Рита. — Раскрытие участникам. Об эфире решим отдельно.

— Если вы внесёте это в служебный журнал, файл запросит наблюдательный совет.

— Значит, совет увидит.

Антон посмотрел на Ладу, будто ждал поддержки человека, который больше всех боялся закрытия станции.

Она действительно боялась. «Полночь» была последним живым радио Приливска: не лентой, собранной под привычки пользователя, а местом, где разные люди в один час слышали одно и то же. После бюджетного сокращения станцию спасала каждая формальность, каждая ночь без жалоб, каждое решение не раздражать совет.

Но Нина тоже слышала Ладу в один конкретный час. И не получила правила, по которому ей отказали.

— Добавляй, — сказала Лада Рите.

Антон отвернулся к окну.

К шести утра протокол подписали трое: Рита как аварийный редактор, Зоя как инженер адресации и Лада как голосовой оператор. Антон оставил отметку «ознакомлен, возражаю против эксплуатации», но согласился не отключать стойку до диагностики.

Перед завершением связи Зоя отправила Ладе личный запрос на текстовый канал.

«Вы нарушили несколько базовых правил, которых вам не сообщили. Это не делает вас виноватой в том, что правила скрыли».

Лада ответила: «Но я решила не нажимать сама».

«Да».

Никакого утешения следом не пришло.

«Вы считаете, я должна была нажать?»

«Я считаю, что у вас не было фазовой карты. Остальное — не инженерный вывод».

Лада набрала: «Удобная граница», — и стёрла. Потом написала: «Что будет следующей ночью?»

«Если след вернётся, мы попробуем определить ветвь до того, как вы услышите историю. История заставляет торопиться. Адрес должен заставлять проверять».

«А если позвонит человек, которому осталось десять минут?»

Зоя отвечала долго.

«Тогда девяносто секунд покажутся жестокостью. Но ошибка адреса отправит предупреждение человеку, у которого беда другая. Жестокость не исчезает от скорости».

За окнами светало. Холодное море становилось серым, на дамбе двигались ремонтные огни. Приливск прожил ночь, не зная, что могло случиться, и не зная, кто сообщил об опасности.

Лада вернулась в студию после отключения «Хора». Под прозрачной накладкой пульта лежали семь имён. Рядом Рита оставила распечатку временного протокола.

На верхнем поле кто-то дописал от руки: «Ни один голос не является адресом».

Почерк был не Ритин и не Антона.

— Это Арден передала вместе с файлом, — сказал дежурный техник. — Просила положить так, чтобы ты увидела до следующего окна.

Лада перечитала строку и перевернула лист. На обороте обнаружилась таблица фазовых признаков, пустая, кроме первой строки.

В графе «время расхождения» стояло: 2:37.

В графе «подтверждённое несовпадение»: насосная № 4.

В графе «решение»: предупреждение не отправлено.

Последняя графа называлась «кто принял решение». Зоя не вписала туда имя Лады. Там стояло: «Редакция без протокола».

Лада взяла ручку и ниже добавила: «Следующий раз — только с протоколом».

Глава 3. Семь часов разницы

В следующую ночь Лада пришла на станцию за два часа до смены и обнаружила на своём месте серую коробку с тремя механическими часами.

Первые показывали время Приливска. Вторые отставали на два часа тридцать семь минут — след Нины. На третьих стрелки стояли в полночь.

— Арден прислала? — спросила Лада.

Дежурный техник кивнул на аппаратную.

— Она уже там. То есть голос её там. Сама коробка приехала с курьером консорциума. Я ничего не подключал без Риты.

На крышке была наклейка: «Время собеседника не является временем события». Ни приветствия, ни подписи.

Лада надела наушники.

— Добрый вечер, инженер Арден.

— До рабочего окна двадцать две минуты, — ответила Зоя. — Если это проверка связи, я вас слышу. Если попытка разговора, сначала скажите, кто находится в студии.

Лада оглянулась. Рита раскладывала на столе бумажные копии временного протокола. Тим сидел у дальней стены с учебным планшетом и всем видом показывал, что решает задачу по геометрии, а не разглядывает запрещённую стойку. Кирилл привёз его раньше условленного и ушёл на дежурство, предупредив, что утром потребует объяснить, почему племянника снова держали на радио ночью.

— Рита Сокол, я и Тим, который не участвует в работе.

— Тогда он должен выйти до активации контура.

Тим поднял голову.

— Мне пятнадцать, а не пять.

— Именно поэтому вы способны понять слово «выйти», — сказала Зоя.

Рита кашлянула, пряча улыбку. Тим молча собрал планшет и пересел в редакторскую за двойным стеклом. Оттуда студия была видна, но звук шёл только через отключённый динамик.

— Теперь все допущенные на местах, — сказала Лада. — Можно попытку разговора?

— Четыре минуты.

— Зачем три пары часов?

— Чтобы не повторить вчерашнюю ошибку. Вы слышали женщину в настоящем времени и думали, что её катастрофа совпадает с вашим будущим. Но ветви расходятся не только событиями. Они расходятся темпом. Фраза «через семь часов» ничего не значит, пока мы не знаем, чьих часов.

— А третьи?

— Для следующего звонка. Их разрешено запустить только после трёх независимых признаков.

— Вы могли поставить цифровой экран.

— Цифровой экран исправляет показания незаметно. Стрелки заставляют увидеть скачок.

— Вы всегда оставляете людям предметы вместо объяснений?

В канале возникла короткая пауза.

— Только когда объяснение можно забыть, — сказала Зоя.

Лада перестала улыбаться.

Временный протокол лежал перед ней раскрытым. Девять пунктов, три подписи и одна строка Антона: «Ознакомлен. Эксплуатацию считаю преждевременной». Сам директор

заперся в кабинете наверху и обещал подключиться, если появится вызов. Рита назвала это удобным расстоянием от красной кнопки.

Ровно в полночь стойка «Хора» включилась без звука. По спектральному экрану прошла белая рябь, затем собралась в семь тонких гребней.

Зоя стала называть значения. Рита заносила их в журнал. Лада молчала: согласно протоколу, её микрофон был физически отсоединён до первичной адресации.

Двадцать три минуты ничего не происходило. В обычном эфире Лада уже успела бы принять три звонка о бессоннице, один спор о береговой парковке и голос старика, который каждую среду заказывал песню умершей жене. Сегодня ночную программу вела записанная подборка. Индикатор прямого эфира не горел, и студия казалась декорацией самой себя.

В 00:24 третьи часы дёрнулись.

Секундная стрелка сделала оборот назад, минутная перескочила на деление, и механизм пошёл. На циферблате было 07:31.

— Дрейф плюс семь часов семь минут, — произнесла Зоя. — Предварительно. Не подключайте голос.

Из динамика донёсся шорох, похожий на снег по окну. Потом детский кашель.

Лада сжала ладони под столом.

— Радио? — спросил мальчик. — Тётя Лада, вы там?

Микрофон оставался мёртвым.

— Меня зовут Савва Лин. Я из сто восьмой школы. У нас закрылись двери.

Рита написала на листе крупно: «НЕ ОТВЕЧАТЬ». Лада кивнула, хотя злость поднялась мгновенно — не на Риту, а на девять пунктов, которые вчера сама потребовала.

— В спортивном корпусе пахнет сладким, — продолжал Савва. — Сначала думали, что краска. Марьяна Петровна велела всем спуститься в зал, потому что наверху сработала тревога. Но Вит говорит, нельзя вниз. Его папа работает на холодильниках. Если сладко пахнет, надо наверх и наружу.

На спектральном экране появились две зелёные отметки.

— Частота их сети отличается на четыре сотых герца, — сказала Зоя. — Первый признак. Фоновая сирена использует код, отменённый у вас девять лет назад. Второй.

— Что нужно для третьего? — спросила Рита.

— Независимое локальное событие.

Савва позвал кого-то по имени. Вдалеке ударили в дверь.

— Нас двадцать восемь, — сказал он. — Учительница ушла за охранником и не вернулась. Телефоны показывают только школьную сеть. На ней ваша передача.

Лада увидела, как бегут секунды на новых часах. В той студии, откуда звонил мальчик, уже было утро. Здесь за окнами лежала ночь, и школа №108 в Приливске пустовала до понедельника.

Рита открыла городской реестр. Такой школы не существовало. Под номером сто восемь числился архив у западной эстакады.

— Несовпадение подходит? — спросила она.

— Само по себе нет. Название легко придумать.

— У нас нет времени на вашу чистую выборку.

— У них тоже не будет времени, если мы отправим импульс не по адресу.

Слова Зои звучали ровно, но на последней фразе она вдохнула слишком быстро. Лада уловила это и впервые представила не абстрактного инженера за каналом, а женщину, которая тоже смотрит на бегущие цифры и обязана не торопиться.

— Савва, — сказала Лада в выключенный микрофон.

Мальчик не мог её услышать.

Он закашлялся снова.

В редакторской Тим вскочил. Он что-то показывал на планшете через стекло. Рита включила внутреннюю связь.

— Я нашёл их школу, — сказал он. — Не нашу. В старой муниципальной сетке. До объединения районов сто восьмая была у станции морского холода. Её снесли после пожара в семьдесят девятом.

— Откуда у тебя старая сетка?

— Мы делали проект про исчезнувшие здания. Там спортивный корпус соединялся переходом с холодильной станцией.

Зоя потребовала файл. Тим переслал учебную презентацию и скан плана. На схеме спортивный зал действительно находился ниже лабораторного крыла. Три вентиляционные шахты выходили к холодильным резервуарам.

— Это история нашей ветви, — сказала Рита. — В их мире здание могло сохраниться.

— И станция тоже, — ответила Зоя. — Но нужен признак из их настоящего.

Лада смотрела на бумажные часы, нарисованные Тимом в углу презентации. Под ними стояла дата пожара: 11 февраля 2079 года.

— Спроси про памятник, — сказал Тим. — Перед школой стояла стела спасателям. Её убрали после сноса. На фотографии видно четыре фамилии.

— Мы не можем спросить, пока не подключим голос, — напомнила Рита.

— Можем на восемь секунд, — сказала Зоя. — Первичное удержание. Только вопрос, без обещаний и советов. Лада, вы согласны?

На пульте повернулся первый механический ключ — Ритин. На инженерной панели вспыхнул синий знак цифрового ключа Зои. Третьим условием был не ключ, а голос.

— Согласна на восемь секунд, — сказала Лада.

Рита подключила микрофон.

— Савва, я здесь. Что написано на стеле перед школой?

Мальчик вскрикнул от облегчения, потом торопливо заговорил:

— Там нет стелы. Там солнечные часы с фамилиями Ровда, Ким, Миронов и Арден. Тётя Лада, скажите, куда нам идти!

Восемь секунд закончились. Рита разомкнула контур.

— У нас на стеле другие четыре фамилии, — сказал Тим. — Арден там точно нет. И Миронова нет.

— Третий признак, — произнесла Зоя. — Несовпадающий мемориальный объект на совпадающем плане. Адрес подтверждён с вероятностью ноль целых семьдесят восемь сотых.

Лада успела подумать о фамилиях. Миронов. Арден. В другой истории их семьи уже стояли рядом на камне или металле, но сейчас это не имело значения.

— Что за сладкий запах? — спросила Рита.

Тим ответил раньше инженера:

— Возможно, утечка хладагента. Папа говорил, некоторые добавки пахнут сладко. Если газ тяжелее воздуха, в зале внизу будет хуже.

— Нужна эвакуация вверх по западной лестнице, — сказала Зоя. — На плане она изолирована от перехода. Окна третьего этажа выходят на навес. Но я не эксперт по химическим авариям.

Рита уже связалась с дежурной городской службы. Та отказалась давать официальную команду для здания, которого нет в их реестре, но подтвердила общий принцип: покинуть низину, не включать электрооборудование, избегать зоны источника, вызвать местных спасателей снаружи.

— Мы можем передать только одну фразу? — спросила Лада.

— Девяносто секунд устойчивого ответа, — сказала Зоя. — Потом окно закроется. Передача будет считаться использованной на эту ночь.

— Цена?

— Неизвестна. Удержание уже началось. Полный ответ почти наверняка вызовет выпадение.

Из динамика доносился детский спор. Кто-то требовал открыть дверь силой. Савва пытался их остановить.

Рита положила ладонь на свой ключ.

— Я разрешаю передачу как аварийный редактор. Совет службы подтверждает содержание, но не адресата.

Синий знак на панели погас, затем вспыхнул снова.

— Я подтверждаю фазовый адрес и даю цифровой ключ, — сказала Зоя. — Лада, решение ваше. Вы можете отказаться.

За стеклом Тим смотрел на неё, прижав ладони к груди. Антон появился в дверях аппаратной, но не вошёл. Он успел только сказать:

— Подождите, совет станции не давал полномочий.

Лада не стала спрашивать, кто ответит детям, пока совет собирается.

— Я согласна на передачу, — произнесла она.

Рита повернула ключ.

Красная кнопка загорелась.

— Савва, слушай внимательно и повторяй другим. Не спускайтесь. Не включайте свет и ничего электрического. Идите по западной лестнице на третий этаж, закройте за собой двери. Из окон выходите на широкий навес и оттуда зовите спасателей. Если западная лестница пахнет сильнее, не входите в неё. Скажи, что понял.

— Не вниз. Ничего не включать. Западная лестница, третий этаж, навес. Если там сильнее пахнет — не идти.

— Верно. Сколько вас может идти самостоятельно?

— Все, кроме Вита. Он упал и говорит медленно.

— Не оставляйте его одного. Двое помогают, остальные идут впереди и открывают путь.

Савва, решение принимает взрослый на месте, если он вернётся. Пока его нет, не спорьте у двери. Двигайтесь сейчас.

В динамике закрипели скамьи. Дети повторяли указания друг другу. Кто-то плакал, кто-то слишком громко шутил. Савва оставил линию открытой, и Лада слышала, как двадцать восемь голосов превращаются в шаги.

На семьдесят четвёртой секунде экран побелел.

Боль пришла не в голову — в грудь, словно Лада пропустила ступеньку. Перед ней возникла кухня матери: жёлтая лампа, чашка с отколотой ручкой, дождь на окне. Мать сидела напротив в синем халате и что-то говорила. Лада знала, что это был их последний разговор. Знала дату, знала, что через три дня мать легла в больницу и больше не вернулась домой.

Но губы матери двигались без слов.

Лада вцепилась в край пульта.

— Закрываю на восемьдесят девятой, — сказала Зоя.

Связь оборвалась.

Третьи часы остановились на 07:34.

— Лада? — Рита уже была рядом. — Назови себя.

— Лада Миронова. Тридцать шесть лет. Приливск. Восемнадцатое октября две тысячи девяносто шестого.

— Что потеряно?

— Не знаю.

Она сказала неправду, потому что знала край пустоты и боялась назвать его вслух. Факты оставались: мать звали Инга; она любила крепкий чай; последней осенью носила синий халат.

Лада помнила, как вошла на кухню, как поставила мокрый зонт в ванну, как потом долго стояла на остановке. Между этими событиями зиял разговор.

— Последний разговор с мамой, — сказала она наконец. — Я помню комнату. Не помню ни одного её слова.

Рита выключила все микрофоны. Антон за дверью перестал требовать остановить эксперимент.

— Может, запись? — спросил Тим по внутренней связи.

— У нас не было записи, — ответила Лада. — Я тогда не знала, что понадобится.

Зоя заговорила тише:

— Даже если бы была, вы услышали бы содержание. Воспоминание не вернулось бы.

— Откуда вы знаете?

— Испытания.

— На ком?

— Не сейчас. Сначала завершим протокол безопасности.

Лада хотела потребовать ответ, но поняла, что Зоя права, и возненавидела её за это ровно на одну минуту.

Проверка длилась до рассвета. Лада перечисляла даты, лица, места, привычки. Рита задавала вопросы, на которые сама знала ответы. Тим написал Кириллу, что останется на станции, не объясняя почему. Антон вызвал врача консорциума; Лада отказалась разговаривать с ним без независимого специалиста.

В 05:12 на новостной ленте «Хора» появился пакет из чужой ветви. Не звонок — открытая сводка, захваченная на той же фазовой подписи.

«В школе №108 эвакуированы двадцать восемь учащихся. Один ребёнок госпитализирован в стабильном состоянии. Предварительная причина — разгерметизация контура станции морского холода. Эвакуация проведена до воспламенения смеси».

Ниже шёл короткий ролик без звука. Дети сидели на широком металлическом навесе под утренним солнцем. Спасатель передавал Вита на подъёмную платформу. Савву Лада узнала не по лицу, которого прежде не видела, а по тому, как он повторял руками маршрут: вверх, в сторону, наружу.

Сводка была опубликована там в 08:19. В Приливске часы показывали 01:12 — пакет пришёл назад по следу с искажённой задержкой. Зоя сопоставила семь признаков и внесла в журнал: ветвь подтверждена независимо, предупреждение получено, последствия изменены.

Рита распечатала строку и положила рядом с семью именами насосной.

— Значит, мы спасли их, — сказал Тим.

— Они спаслись, — поправила Лада. — Мы дали маршрут.

Ей было важно сказать именно так. Красная кнопка не превращала её в хозяйку чужого утра. Савва удержал детей от двери, Вит подсказал про газ, Тим нашёл план, Рита проверила инструкцию, Зоя построила адрес. Двадцать восемь человек сделали то, чего она никогда не увидит полностью.

— И за это ты отдала маму? — спросил Тим.

— Нет. Мама была человеком, а не монетой. Я потеряла разговор из-за механизма. Это цена, но не обмен.

Она произнесла слова уверенно, хотя внутри не была уверена ни в одном.

Зоя прислала обновлённую таблицу. В графе «решение» стояло: «Предупреждение отправлено». В графе «кто принял решение» — четыре строки: редактор, инженер адресации, голосовой оператор, источник локальной проверки.

Последней строкой был указан Тим Миронов.

— Его имя нельзя в служебный документ, он несовершеннолетний, — сказала Лада.

— Тогда обезличим в открытой версии, — ответила Зоя. — Но из внутреннего журнала не сотру. Проверку сделал он.

Тим за стеклом прочитал своё имя и выпрямился.

Лада снова увидела кухню под жёлтой лампой. Мать беззвучно шевелила губами. Возможно, говорила нечто важное. Возможно, просила купить соль. Пустота не подсказывала масштаб потерянного и потому могла вместить всё.

— Запишите ещё одно, — сказала Лада.

— Что именно? — спросила Зоя.

— Решение подтверждено результатом, но цена не стала от этого допустимой. До следующей передачи нам нужно правило не только для адреса, но и для человека у микрофона.

Зоя внесла фразу без сокращений.

В семь утра Лада вышла из станции. Город жил на семь часов позади чужого спасённого утра: школьные окна были тёмными, над морем только начинала светлеть полоса неба. Она позвонила Кириллу, услышала его сонное раздражение и не стала откладывать главное.

— Я потеряла один разговор с мамой, — сказала она. — Факты помню. Слов — нет.

Кирилл долго молчал.

— Какой разговор?

— Последний на кухне.

— Она тогда сказала, что...

— Не говори.

— Почему?

Лада смотрела, как на дамбе гаснут ночные огни.

— Потому что это будет уже твоё воспоминание. А я пока должна понять, что именно значит жить рядом с пустым местом.

Кирилл не согласился. Она слышала это по дыханию. Но впервые за утро никто не попытался заполнить потерю за неё.

— Хорошо, — сказал он. — Пока не скажу.

Лада поблагодарила и отключилась.

В кармане завибрировал терминал. От Зои пришло одно сообщение: «Протокол остановлен до совместного решения о допустимой цене».

Следом второе: «Савва и остальные вышли».

Лада сохранила обе строки. Не вместо материнских слов — вместо этой ночи, которая пока принадлежала ей.

Глава 4. То, чего нет на записи

К полудню кухня Инги Мироновой существовала в трёх экземплярах.

Первый хранился у Лады в памяти: жёлтая лампа, дождь на окне, синий халат матери, чашка со сколотой ручкой. Второй был записан домашней камерой девять лет назад. Третий собрали утром в лаборатории под старой телебашней — стол, две чашки, лампа с таким же тёплым спектром и экран во всю стену.

Ни один не содержал материнского голоса.

— Готовы? — спросила доктор Ева Ланская.

Она была независимым нейропсихологом из городской клиники, выбранным Ритой из списка, к которому консорциум не имел отношения. Антон протестовал против слова «независимый», будто оно само по себе было обвинением, но оплатить обследование от имени станции согласился сразу.

Лада сидела за столом в исследовательской комнате. На запястье держался датчик пульса, на висках — тонкая сетка контактов. За стеклом аппаратной стояли Рита и Тим. Антон пришёл позже и остался у двери. Зоя была только голосом в служебном канале.

— Готова, — сказала Лада.

Ева запустила запись.

На стене появилась кухня. Камера стояла над холодильником и смотрела сверху, поэтому мать казалась меньше, чем в памяти. Инга вошла в кадр, поставила чайник, поправила пояс халата. Через минуту появилась Лада — мокрые волосы, зонт в руке, слишком яркое пальто, которое она давно отдала.

Запись была без звука.

Домашняя система хранила изображение для страховки, а микрофон мать отключила в первый же день. Она не любила устройства, которые слушают комнаты без приглашения.

На экране Лада села напротив неё. Инга заговорила.

Лада знала, что сейчас должны прийти слова. Она видела их форму на губах, паузы, короткий смешок. Узнавала, как мать поджимала подбородок перед неудобным вопросом. В теле возникали отклики: здесь она, вероятно, разозлилась; здесь хотела уйти; здесь осталась. Но содержания не было.

Не тишина. Тишину можно слушать. Это было место, к которому не вела ни одна дорожка.

Ева остановила видео.

— Что вы испытали?

— Я узнала всё, кроме разговора.

— Возникло хоть одно слово? Обрывок? Ощущение, что фраза знакома?

— Нет.

— Не старайтесь угадать.

— Я не стараюсь.

Это была неправда. С первой секунды Лада читала по губам, складывала версии из жестов, пыталась услышать мать по движению плеч. Разум не терпел пустоты и немедленно нанимался её заполнять.

Ева показала четыре коротких фрагмента из других дней. В одном Инга звонила Кириллу, в другом спорила с мастером о протекающем окне, в третьем учила Тима резать яблоко тонкой спиралью. Звук восстановили из облачного архива.

Мамин голос был прежним — низким, чуть хриплым, с привычным ударением на имени Лады. Лада узнавала его мгновенно. Помнила обстоятельства каждого эпизода, могла предсказать конец некоторых фраз. Никакой общей утраты голоса не произошло.

— Теперь реконструкция, — предупредила Ева.

Кирилл утром согласился записать то, что помнил о последнем разговоре, но только для закрытого опыта. Его изображение не показали. В комнате прозвучал синтетический голос, чтобы интонация брата не выдавала смысл раньше слов.

«Инга Миронова сказала дочери, что не хочет снова лечиться в больницу».

Лада закрыла глаза. Фраза казалась вероятной. За неделю до смерти мать действительно боялась больницы. Но вероятное не стало знакомым.

«Инга Миронова попросила дочь не отменять ночной эфир».

Тоже возможно.

«Инга Миронова сказала, что Кирилл сердится не на сестру, а на собственное бессилие».

Лада резко открыла глаза.

— Стоп.

Ева выключила запись.

— Вспомнили? — спросила она.

— Нет. Я начала верить.

— Во что именно?

— В то, что она могла это сказать. И теперь не знаю, верю потому, что помню, или потому, что мне очень подходит эта версия.

Ева сняла показания и посмотрела на Зою, хотя видеть её было невозможно.

— Это соответствует вашим испытаниям?

Пауза в канале длилась дольше обычного.

— Да, — сказала Зоя. — Предъявление фактов создаёт новое знание. Эмоциональная реакция на него тоже новая. Исходный эпизод не восстанавливается.

— На ком проводились испытания? — повторила Лада вопрос прошлой ночи.

— На семи добровольцах стендовой группы. Я была одной из них.

Рита за стеклом медленно опустила планшет.

— Что вы потеряли? — спросила Лада.

— Это не требуется для диагностики.

— Вы только что потребовали от меня показать чужим людям кухню моей матери.

— Я не требовала. Вы согласились на процедуру врача.

— После того как вы сказали, что знаете результат.

Зоя не ответила сразу. Лада уже различала её молчание: рабочее, когда та считала; защитное, когда выбирала формулировку; и редкое растерянное, в котором исчезал инженерный ритм. Сейчас было второе.

— Я потеряла запах мастерской отца, — сказала Зоя. — Не знание о мастерской. Не лицо отца. Я помню состав клея, которым он пользовался, и могу заказать такой же. Но когда открываю банку, узнавания нет.

Лада посмотрела на застывшую кухню. На экране мать держала ладонь над чашкой, словно собиралась накрыть ею руку дочери.

— Запись запаха тоже не помогла?

— Помогла определить молекулы. Потом я научилась называть смесь. Это не вернуло мне тот вечер.

Ева завершила обследование. Функции памяти у Лады были сохранены, кроме ограниченного автобиографического содержания. Признаков внушённого воспоминания пока не возникло, но продолжать реконструкцию она запретила.

— Пустота болезненна, — сказала врач, снимая сетку. — Однако чужая уверенность опаснее. Каждый пересказ будет не возвращением, а новой версией. Вы вправе узнать факты, но отделяйте их от того, что помнили сами.

— А если я никогда не узнаю разницы?

— Тогда особенно важно, чтобы решение оставалось вашим.

Лада попросила приложить эту фразу к заключению.

В коридоре Тим ждал с двумя стаканами какао. Один протянул тёте, второй держал обеими руками.

— Я ничего не спрашивал у папы, — сказал он.

— Спасибо.

— Но он злится.

— На меня?

— На всех по очереди. Это у него способ не выбрать одного.

Лада улыбнулась и тут же насторожилась: не повторял ли Тим слова, которые только что услышал от отца? Потом поняла, что подозрение уже начинает отравлять обычный разговор.

— Это твоя мысль?

— Моя. Папа выражается хуже.

Они выпили какао у окна. Внизу, под телебашней, дневной рынок разворачивал навесы перед дождём. В мире Саввы к этому часу школа №108 уже попала во все новостные выпуски. Здесь никто, кроме нескольких человек на станции и в лаборатории, не знал, почему Лада не помнит голоса матери за кухонным столом.

Тим достал бумажную карточку.

— Я сделал три колонки. «Помню сам», «узнал потом», «не уверен». Если хочешь.

Лада взяла карточку. Подростковый почерк полз вверх, последняя колонка получилась уже остальных.

— Хочу. Но только для меня.

— Конечно.

К двум часам они вернулись на «Полночь». В редакторской шло совещание. На главном экране висел проект сообщения для слушателей:

«В связи с техническими работами ночной эфир временно изменён. Угрозы городской инфраструктуре нет».

Рита стояла у стола, не садясь. Антон держал ладони перед собой, будто успокаивал не людей, а поверхность воды.

— Угроза есть, — сказала Рита. — Не городской инфраструктуре, так оператору. Цена подтверждена врачом.

— Врач подтвердил локальный пробел памяти без общего ущерба функциям, — ответил Антон. — Не превращай заключение в заголовок.

— А ты не превращай женщину в расходный элемент лицензии.

Антон заметил Ладугу и убрал проект сообщения с экрана.

— Мы как раз ждали тебя.

— Нет. Вы как раз решали, что обо мне сообщить без меня.

Кроме Риты и Антона, в комнате находились юрист станции Майя Летова и представитель городского совета по связи. Зоя подключилась к закрытому каналу. Тим ушёл в монтажную по собственной воле, но дверь оставил открытой.

Рита вывела другой текст:

«Ночной эфир станции принял аварийное сообщение из вероятностно соседней ветви. После независимой проверки было передано одно предупреждение. Оно помогло эвакуировать двадцать восемь детей. Передача вызвала у ведущей необратимую потерю личного воспоминания. Работа установки остановлена до публичного протокола выбора и защиты участников».

— Вот что произошло, — сказала она.

— Вот набор утверждений, после которого у нас к вечеру отзовут эфирную лицензию, — возразил Антон. — Консорциум признаёт узел экспериментальным оборудованием. Мы

допустили к нему несовершеннолетнего, вмешались в чужую аварийную систему и не можем предъявить адресата ни одному суду нашей ветви.

— Мы можем предъявить журнал.

— Журнал доказывает, что мы сделали именно то, в чём нас обвинят.

Представитель совета спросил, подтверждено ли спасение детей независимым источником. Зоя объяснила фазовую подпись новостного пакета. На словах «вероятность совпадения» мужчина перестал записывать.

— То есть проверить это обычными средствами невозможно.

— Обычные средства не пересекают ветви, — сказала Зоя. — Поэтому мы сохраняем сырые параметры для независимого воспроизведения.

— Независимого кем?

— Любой лицензированной лабораторией с фазовым анализатором.

Антон коротко рассмеялся.

— Все четыре такие лаборатории принадлежат консорциуму.

В комнате стало тихо.

Лада поняла, что директор не просто защищает кресло. Он видел ловушку целиком: чтобы доказать чудо, им требовалось разрешение тех, кто десять лет называл установку списанным усилителем; чтобы сохранить разрешение, нужно было не доказывать ничего.

— Когда вы узнали о цене? — спросила Майя.

— Формулу видел в документации при передаче узла станции, — ответил Антон. — Приложения были отозваны владельцем. Я подписал приём оборудования, которое по документам не могло передавать. Если бы отказался, «Полночь» закрыли бы девять лет назад вместе со старой башней.

— Значит, станция жила на условии, о котором не знала редакция, — сказала Рита.

— Станция жила. Это ключевая часть фразы.

Лада подошла к экрану и прочитала оба сообщения. Первое скрывало цену. Второе превращало ночь в готовый рассказ: двадцать восемь детей, одна ведущая, необратимая жертва. В нём не было семерых работников насосной, которым они не ответили. Не было сомнений Зои, проверки Тима, права Саввы действовать самому. Правда тоже могла стать удобной, если обрезать её по форме пресс-релиза.

— Ни один текст не выйдет, — сказала Лада.

Рита повернулась к ней.

— Ты хочешь молчать?

— Я хочу открыть журнал, а не сделать из него легенду. Сырые параметры, временный протокол, отказ Нине, передачу Савве, медицинское заключение без моих семейных деталей. И отдельно — что установка остановлена.

— Сырые данные никто не прочитает, — сказал Антон.

— Тогда рядом будет объяснение. Но не ваше «технические работы» и не наше «мы спасли двадцать восемь детей».

— Их действительно спасли, — сказала Рита.

— Они спаслись. Мы помогли. Если публичность нужна, чтобы распределить решение, она должна распределить и заслугу, и вину.

Зоя включила микрофон.

— Публикация фазовых параметров нарушит лицензионное соглашение консорциума.

— Вы против? — спросила Лада.

— Я сообщаю последствие. Если вы решите опубликовать, понадобится выгрузка до удалённой блокировки.

Антон поднялся.

— Никакой выгрузки. До заседания совета все журналы остаются в закрытом контуре.

— Совет соберётся через шесть дней, — сказала Рита.

— Значит, шесть дней мы не выходим в ночной эфир.

— Через шесть дней данные могут исчезнуть.

— Это предположение.

— Удалённый служебный запрос уже был, — сказала Зоя. — В девять сорок три. Я его отклонила как инженер дежурной смены. Второй запрос автоматически приостановит моё право доступа.

Майя предложила компромисс: зашифрованную копию передать городскому нотариальному архиву, а публичное сообщение отложить на сутки. Антон согласился на архив при условии, что станция не признаёт достоверность межветвевой связи. Рита согласилась на сутки, но потребовала включить в сообщение сам факт риска для памяти.

Все посмотрели на Ладу.

Она вдруг ощутила знакомую тяжесть красной кнопки, хотя пульт находился этажом ниже. Снова решение свели к одному голосу. Только теперь ветвью, которую можно было предупредить, был их собственный город.

— Медицинскую деталь можно опубликовать, — сказала она. — Без имени матери и содержания утраты. Но решение о дальнейших передачах я одна больше не принимаю.

— Пока оператором числишься ты, иначе не получится, — ответил Антон.

— Тогда передач не будет.

— Ты понимаешь, что ночной эфир — половина нашей лицензии? Три пропущенные смены дадут совету основание передать частоту коммерческой сети.

— Вы предлагаете мне снова сесть к «Хору», чтобы сохранить место, где стоит «Хор»?

— Я предлагаю не разрушить единственную станцию, которая способна услышать следующий звонок.

— Услышать — не значит получить право ответить.

Антон подошёл ближе, но остановился по другую сторону стола.

— Лада, я не заставляю тебя нажать кнопку. Однако если мы объявим установку опасной и закроем эфир, через неделю здесь будут инженеры консорциума. Они увезут узел. Следующего Савву никто даже не услышит.

Это был сильный довод, потому что не был ложью.

— Обычный эфир можно вести без передатчика? — спросила Лада.

— Приёмный контур включается вместе с несущей станции, — ответила Зоя. — Ответный импульс можно физически заблокировать отдельным ключом.

— Тогда «Полночь» выходит в эфир. Мы слушаем, записываем, проверяем. Не отвечаем, пока не будет правила выбора и отдельного добровольного согласия оператора на каждую передачу.

— Если позвонят люди перед катастрофой? — спросил Антон.

— Мы скажем им правду: связь есть, безопасного способа ответить пока нет.

— Нина уже слышала такую правду.

Удар попал точно. Лада увидела семь имён под накладкой пульта.

— Да. Поэтому в открытом журнале будет и Нина. Не используйте её смерть, чтобы получить от меня согласие заранее.

К вечеру нотариальная копия журналов ушла в городской архив. Рита и Майя подготовили сообщение без героини и чуда. В нём говорилось о неподтверждённой межветвевой связи, успешной передаче аварийной информации, документированном риске ограниченной потери автобиографической памяти и временной блокировке ответного контура. Полные обезличенные данные обещали опубликовать после внешней проверки в течение суток.

Антон подписал текст последним.

— Если совет заберёт частоту, я приложу к делу эту стенограмму.

— Приложите всю, — ответила Рита.

В двадцать три тридцать Лада вошла в студию. Красная кнопка была закрыта прозрачным колпаком, сквозь который проходила стальная пломба. Ключ Риты лежал в нотариальном сейфе. Цифровой ключ Зои отключили от узла и сохранили на автономном носителе.

Обычная музыка закончилась. Загорелась лампа прямого эфира.

— Доброй ночи, Приливск, — сказала Лада. — Сегодня наша станция будет только слушать.

Телефонные линии открылись. Люди спрашивали, правда ли можно потерять память, не опасен ли сигнал для города, кто разрешил эксперимент и почему редакция говорит об этом только теперь. Лада отвечала там, где знала, и произносила «мы не знаем» там, где ответа не было.

Через сорок минут в наушниках появился знакомый глубокий шум.

Тим в монтажной поднял голову. На закрытом инженерном канале Зоя сказала:

— Фазовая гряда. Возможно, несколько адресов.

Под прозрачным колпаком красная кнопка оставалась тёмной.

Первый чужой голос попросил помощи. Почти одновременно второй назвал другой город. Третий не успел представиться — только повторял число людей и оставшееся время.

На экране возникли три расходящиеся линии.

Лада положила перед собой карточку Тима: «Помню сама», «узнала потом», «не уверена». Рядом Рита поставила чистый лист с тремя новыми заголовками: «масштаб», «срочность», «проверяемость».

Сегодня они не могли ответить никому.

Но впервые пустота перед выбором имела не форму одной красной кнопки, а форму вопроса, записанного для всех.

Глава 5. Один из трёх

Первый голос принадлежал диспетчерке речного трамвая. В её Приливске опора пассажирской линии просела после ночного сброса воды, и в 03:18 по мостовому участку должен был пройти состав с сорока шестью людьми. Второй голос пришёл из города, которого на карте Лады не существовало: мужчина из больницы Тихий Мыс повторял номер кислородного контура и просил найти дежурную смену. Третий был детским. Девочка считала тех, кто спустился в подвал жилой башни во время ложной тревоги.

— Сто двенадцать, — сказала она. — Нас сто двенадцать. В двери вода.

Три линии дрожали на экране. Под прозрачным колпаком красная кнопка оставалась тёмной.

— Ответный контур опломбирован, — произнесла Лада. — Мы слышим вас. Сейчас мы проверяем адреса.

— У нас нет «сейчас», — ответила диспетчерка. — До состава двадцать семь минут.

Мужчина заговорил одновременно с ней:

— Резерв продержится сорок. Если автоматика откроет общий клапан, смесь пойдёт в детское отделение.

Девочка больше ничего не объясняла. За её дыханием был слышен ровный металлический стук.

— Мы обещали только слушать, — сказал Антон из дверей.

— Обещали не передавать без правила, — возразила вошедшая следом Рита. — Значит, правило нужно сейчас.

На инженерном канале Зоя оборвала спор:

— Адреса пока не подтверждены. Три голоса — не три мира. Возможен распад одного пакета.

Тим вывел шумовые гряды на боковой экран. После вчерашней публикации Антон запретил ему приближаться к «Хору», но обработку обычного эфирного сигнала запретить не мог.

— У девочки стук каждые четыре целых две десятых секунды, — сказал Тим. — У больницы такой же.

— Значит, один адрес? — спросила Рита.

— Или одинаковые насосы, — ответила Зоя. — Не соединяйте то, что ещё не измерено.

Лада попросила каждого назвать один проверяемый факт вне аварии. Диспетчерка сказала об остановленных часах на восточной стене вокзала. Мужчина — о скульптуре двух чаек над больницей. Девочка назвала башню «Седьмым парусом» и берёзу на крыше.

— Адресные различия получены, — сказала Зоя. — Нужны независимые признаки.

В обычном эфире звонили жители их города. Один требовал спасти ребёнка, другой называл всё спектаклем, третья спрашивала, кто дал ведущей право выбирать. Рита отключила публичную линию, но вопросы уже остались внутри.

— Если пломбу снять, цифрового ключа всё равно нет, — сказал Антон.

— Есть резервный, — ответила Зоя. — Он хранится у регулятора. Я запросила его три минуты назад.

— Вы ожидали, что мы нарушим паузу? — спросила Лада.

— Я ожидала, что реальность не подпишет наше расписание.

Лада положила ладонь на карточку Тима в кармане. «Помню сама. Узнала потом. Не уверена». Три колонки для прошлого. Перед ней были три линии для будущего, и никакой четвёртой с названием «спасти всех».

До речного состава оставалась двадцать одна минута. Больничный резерв продержался бы тридцать шесть. В башне вода могла достичь двери через пятьдесят минут, но девочка не знала точно.

— Проверяемость, срочность, масштаб, — сказала Рита, записывая слова на стеклянной доске.

— Это три существительных, а не правило, — отозвался Антон.

— Вероятность адреса, — добавила Зоя. — И вероятность, что предупреждение изменит исход.

— Возможность людей действовать без нас, — сказала Лада. — Сорок шесть человек в составе, который диспетчер может остановить сама, и сорок шесть запертых людей без связи — не одно и то же.

Диспетчерка не могла дозвониться машинисту: после обновления доступа ночную смену не внесли в список. В больнице санитар уже бежал к ручному клапану, но путь перекрывала противопожарная дверь. У людей в башне телефоны ловили только аварийный канал «Хора».

Зоя объяснила, что импульс можно направить не звонящему, а ближайшему совместимому приёмнику ветви: диспетчерской, внутреннему оповещению или домовому громкоговорителю.

— Вероятно громкоговорителю, — уточнила она. — Схемы башни у нас нет.

Рита разделила доску на три столбца. Речная линия: сорок шесть человек, ближайший срок, предварительно подтверждённый адрес, простое действие. Больница: неизвестное число пациентов, два признака адреса, сложное действие, свой человек уже ищет клапан. Башня: сто двенадцать человек со слов ребёнка, слабый адрес, неизвестное безопасное действие, других каналов нет.

— По масштабу башня, — сказал Антон. — По срочности линия. По проверяемости больница.

— И каждый критерий выбирает удобный нам ответ, — заметила Рита.

Лада включила микрофон девочки.

— Как тебя зовут?

— Ася.

— Кто из взрослых рядом?

— Госпожа Чен. Она держит дверь. Говорить не может, у неё ингалятор.

— Почему вы в подвале?

— Сирена сказала, что наверху пожар. Потом — что ошибка. Когда пошли обратно, с лестницы полилась вода.

— Что за стук?

— Насос. Он пишет, что качает наружу, но вода поднимается.

Тим нашёл отклонённый в их Приливске проект «Седьмого паруса». Берёза на крыше была частью системы серой воды. Подвальные насосы действительно работали с периодом 4,2 секунды.

— Второй признак, — сказал он.

— Не независимый: название и насос относятся к одному объекту, — предупредила Зоя.

Тим убрал голоса из спектра. На всех трёх линиях под разными шумами повторялась слабая последовательность: четыре коротких импульса, пауза, два длинных.

— Она была между звонками вчера.

Зоя изучила первые секунды захвата.

— Это метка «Хора». Он пакетирует обращения по одному окну передачи.

— Значит, три звонка достоверны? — спросила Рита.

— Значит, установка считает их тремя адресами одного окна. Достоверность каждого ещё надо доказать.

Слово «считает» Ладе не понравилось меньше, чем слово «выбирает». Машина уже поставила людей перед единственной кнопкой.

До состава оставалось пятнадцать минут. Диспетчерка назвала номер аварийной опоры Л-19; в их ветви после реконструкции это была Л-23. Сходство адреса поднялось до 0,74. У больницы было 0,69, у башни — 0,58.

— Значит, речная линия, — сказал Антон.

— Значит, она лучше проверена, — одновременно ответили Лада и Зоя. — Мы не решили, что это главный критерий.

Для остановки состава требовалось передать девятисекундный код. Для больницы — двадцать семь секунд инструкции. Для башни они пока не знали, что говорить.

На стене подвала была красная коробка ручного управления насосом, но госпожа Чен запретила Асе приближаться к ней из-за воды и электричества.

— Я не знаю безопасного действия, Ася, — сказала Лада. — Слушай госпожу Чен. Мы ищем схему.

Мужчина из больницы сообщил число людей: сто девяносто три, включая двадцать одного ребёнка на кислороде. Цифры на доске изменились.

— Любой новый факт переворачивает выбор, — сказал Антон.

— Мы проверяем не то, достойны ли вы помощи, — сказала Лада мужчине. — Мы проверяем адрес и возможность помочь.

— Результат для нас одинаковый, — ответил он.

Регулятор выдал резервный ключ с условием: одно применение, полный журнал, решение ответственного оператора. Нотариус снял пломбу по видеосвязи. Рита вставила механический ключ, но не повернула.

Тим нашёл старый отчёт о кислородной системе. Обозначения совпали с теми, что назвал мужчина; адрес больницы поднялся до 0,76. Но инструкция оставалась длинной, а инженер мог её не услышать.

Из больничного динамика донёсся грохот.

— Санитар прошёл дверь, — сказал мужчина. — У него восемь минут до открытия клапана. Если добежит, справимся сами.

У них появился запасной путь. Ненадёжный, но настоящий.

Башня оставалась самым большим числом и самым слабым адресом. Больница — самым большим подтверждённым риском, но человек уже бежал к клапану. Речной состав был ближайшим событием, точным адресом и девятью секундами, после которых машинист мог затормозить.

— Речная линия, — сказала Лада.

— По какому правилу? — спросила Рита.

— Достаточная проверка адреса. Ближайший необратимый срок. Готовое действие с высокой вероятностью успеха. Отсутствие работающего запасного канала. Масштаб учитываем, но не умножаем людей на страх.

— Это решила ты, — сказал Антон.

— Да.

Она не стала прятаться за таблицей. Критерии сузили выбор, но не сделали его безличным.

Рита повернула ключ. На канале появился сигнал Зои.

— Лада, согласие на риск памяти должно прозвучать отдельно от выбора адреса.

Лада достала карточку Тима.

— Я понимаю, что передача может необратимо стереть точное автобиографическое воспоминание. Не знаю какое. Соглашаюсь на одну передачу по адресу речной линии.

Красная кнопка загорелась. Лада нажала её.

Девять секунд она читала аварийный код, номер опоры и приказ остановить состав. На шестой секунде в висках возник холод. На девятой она забыла, зачем в детстве прятала зелёный стеклянный шарик в жестяной коробке под подоконником.

Сам шарик она помнила. Коробку — тоже. Помнила, как находила тайник после каждого переезда. Но смысл исчез, оставив вещь без внутренней двери.

Кнопка погасла.

Диспетчерка повторила код. Вдали взвыла тормозная система. Потом женщина засмеялась — резко, почти сердито.

— Стоит. Состав стоит перед мостом.

Никто не сказал «мы спасли сорок шесть человек».

Окно передачи закрылось, но приём оставался. Мужчина сообщил, что санитар добрался до ручного затвора. Через две минуты давление в детском контуре начало снижаться.

Ася всё ещё была на линии.

— Вода до колен.

Тим нашёл приложение к проекту. Система серой воды имела обратный клапан на крыше; при ложном пожарном режиме он направлял резерв в подвальный бак. Остановить приток можно было только с верхнего технического этажа.

— Они не могут подняться, — сказала Рита.

— Но кто-то наверху может услышать обычное радио, — ответил Тим.

Передачик уже не мог пересечь ветвь, зато линия Аси оставалась открытой ещё сорок секунд.

— Крикни в вентиляцию: на крыше нужно закрыть обратный клапан серой воды. Повтори именно так.

— Кто услышит?

— Не знаю. Но твой голос дошёл до нас. Пусть попробует дойти на несколько этажей.

Ася повторила фразу. За ней — госпожа Чен хриплым шёпотом. Потом десятки голосов в подвале подхватили слова. Линия оборвалась на слове «клапан».

Подтверждение пришло через час. Состав остановили за четыреста метров до просевшего участка. В больнице изолировали контур, пострадавших не было. Из «Седьмого паруса» эвакуировали сто двенадцать человек; сигнал услышала женщина на двадцать втором этаже и поднялась на крышу. Четверых госпитализировали с переохлаждением.

Три исхода выглядели как оправдание. Лада отказалась его принять.

В журнале Рита записала: «Положительный результат двух невыбранных адресов не доказывает правильность выбора. При иных обстоятельствах санитар мог не успеть, сообщение могло не дойти».

Лада заполнила карточку. В колонке «Помню сама» написала: «Зелёный шарик. Жестяная коробка. Подоконник на Морской». В колонке «Не уверена»: «Почему он был важен».

— Хочешь рассказать? — спросила Зоя.

— Нет. Не хочу, чтобы кто-то заполнял пробел.

— Хорошо.

— Вы могли сказать о резервном ключе раньше.

— Могла. Я боялась, что Антон потребует передачу до появления правил.

— Вы решили за меня, какую возможность мне показывать.

После паузы Зоя ответила:

— Да. Это было неправильно.

Ни объяснения про безопасность, ни попытки сделать ошибку заботой. Лада почувствовала облегчение и не позволила ему превратиться в прощение без остатка.

— В следующий раз говорите всё, что меняет выбор. Даже если думаете, что я выберу плохо.

— Обещаю. Если нарушу, вы отключаете мой ключ.

— Не я одна. Рита и внешний хранитель журнала.

— Согласна.

На доске оставались три столбца. Лада сохранила критерии и написала внизу: «Окончательное решение снова принял один человек».

— Зато теперь есть начало правила, — сказал Тим.

— Начало. И доказательство, что его недостаточно.

В эфире люди спорили, кого следовало выбрать. Одни складывали жизни, другие минуты, третьи требовали спасти детей прежде взрослых. Каждый был уверен, пока голоса оставались числами.

Лада включила микрофон.

— Этой ночью мы слышали три обращения и смогли передать одно предупреждение. Мы выбрали ближайший проверенный адрес, где сообщение давало ясное действие и не было другого работающего канала. Два других мира справились благодаря людям внутри них. Это не означает, что наш выбор был единственно верным. Полный журнал будет опубликован. Пока окончательное решение лежит на одном операторе. Так продолжаться не должно.

Она назвала диспетчерку, санитару, Асю, госпожу Чен и неизвестную женщину на двадцать втором этаже. Своё имя не назвала.

Когда лампа погасла, в глубине «Хора» четыре коротких импульса сменились двумя длинными.

Тим поднял наушник.

— Метка осталась. Даже без звонков.

Зоя попросила повторить запись и впервые за ночь забыла ответить Ладе сразу.

Глава 6. Голосовая проба

Днём метка звучала иначе.

Тим перенёс четыре коротких и два длинных импульса на студийный синтезатор. Если ускорить запись, получался сухой щелчок. Если растянуть — шесть низких ударов, между которыми угадывалось дыхание.

— Это не код, — сказала Зоя по закрытому каналу. — Код передаёт значение. Здесь периодическая служебная последовательность.

— Последовательность, которую никто не внёс в документацию, — заметила Лада.

— В документацию, которую мы видели.

После ночи они разговаривали осторожнее. Зоя больше не пропускала ни одного условия эксперимента. Лада не принимала эту точность за извинение, но признавала работу, из которой она состояла.

Тим наложил записи последних трёх ночей. Метка появлялась за семь минут до первого звонка, продолжалась между адресами и исчезала через одиннадцать минут после закрытия окна. В ночь Саввы её не заметили: она пряталась под заставкой прогноза приливов.

— Получается, «Хор» знает о звонке раньше нас, — сказал он.

— Или создаёт окно заранее, — ответила Зоя.

Антон разрешил четыре часа испытаний при выключенном передатчике. В редакционной формулировке это называлось проверкой приёмного контура; слово «эксперимент» юрист вычеркнула. Рита настояла, чтобы каждый шаг шёл в открытый журнал с задержкой в десять минут: достаточно быстро против удаления, достаточно медленно, чтобы не выдавать чужие аварийные данные до проверки.

Для первой пробы Зоя должна была подать в служебный канал набор нейтральных фраз, а Лада — повторить их обычным голосом, голосом ночной ведущей и шёпотом. Они проверяли, реагирует ли метка на тембр, смысл или устойчивость внимания.

— Начнём с калибровки, — сказала Зоя. — «Северная створка закрыта».

Лада повторила.

— Теперь эфирным голосом.

— У меня нет отдельного эфирного голоса.

В монтажной Тим выразительно посмотрел на Риту. Та прикрыла улыбку ладонью.

— Есть, — сказала Зоя. — Он ниже на полтона и медленнее на восемь процентов.

— Вы измеряли?

— Это голосовая проба. Я всё измеряю.

Лада повторила фразу так, как обращалась к городу после полуночи. На спектре ничего не изменилось.

— Шёпотом, — попросила Зоя.

— Нет.

Пауза в канале длилась меньше секунды.

— Принято. Причина нужна для протокола?

— Шёпот для меня не нейтральный режим. Я не хочу объяснять подробнее.

— В протоколе: оператор отказалась от режима без указания личной причины. Проба продолжается без него.

Тим посмотрел на Ладу уже без улыбки. Она кивнула: именно так и должно было работать право остановить действие — без наказания любопытством.

Зоя заменила шёпот чтением цифр, затем попросила Ладу молча удерживать в памяти заданный образ. Лада выбрала белую чашку на столе, не связанную ни с одним семейным эпизодом. Метка не дрогнула.

— Теперь автобиографическое воспоминание, — сказала Зоя.

— Какое?

— Вы выбираете сами и не сообщаете содержание. Нужны только начало и конец удержания.

Лада вспомнила первый самостоятельный эфир: сломанный кондиционер, мокрые ладони, красную лампу и Риту, которая за стеклом подняла большой палец. Воспоминание было целым. От этого оно сразу показалось выставленным под удар.

— Начала.

На четвёртом импульсе спектр метки раздвоился.

— Прекратить, — сказала Зоя.

Лада отпустила образ.

— Это опасно?

— Не знаю. Поэтому прекратить.

Зоя не попросила повторить. Вместо этого сравнила фазу с моментами, когда Лада слушала Асю, Савву и Нину. Раздвоение появлялось всякий раз, когда голос из другой ветви соединялся с личным выбором ведущей.

— «Хор» не просто использует память как топливо после нажатия, — сказала она. — Он проверяет связность заранее.

— Вы говорили, что удержание линии уже может брать цену.

— Теперь у нас есть наблюдаемый признак. И, возможно, способ остановиться до потери. Тим приблизил промежутки между импульсами.

— Тут ещё что-то. Смотрите: основной удар один, а хвостов пять.

— Отражения студии, — предположила Рита.

— Тогда задержка менялась бы с оборудованием. Я взял запись Нины до того, как мы подключили анализатор. Те же пять.

Зоя попросила исходные файлы. Пока они передавались, Лада вышла на лестничную площадку. За узким окном портовые краны двигались над водой медленно, словно город ещё не решил, наступило утро или продолжается ночь.

— Можно не служебный вопрос? — спросила Зоя в наушнике.

— Сначала скажите, можно ли не отвечать.

— Можно.

— Тогда спрашивайте.

— Шёпот связан с потерянным разговором с матерью?

Лада почувствовала раздражение, но не вторжение. Зоя сначала построила дверь и только потом постукала.

— Нет. Мать никогда не шептала. Даже в театре комментировала нормальным голосом.

— Поняла.

— И это всё?

— Вы разрешили спросить, не потребовали обмена.

Лада прислонилась плечом к холодному стеклу.

— А если я сама потребую?

— Тогда решу, хочу ли отвечать.

— Честно.

— Иначе граница работает только в одну сторону.

Лада спросила, почему Зоя не включает видео. Вопрос давно перестал быть техническим, и обе это знали.

— После стендовой аварии консорциум использовал записи наших лиц в дисциплинарном разбирательстве, — ответила Зоя. — Нарезал реакции без контекста. Я оставила служеб-

ное аудио, потому что без него нельзя работать. Видео включу, когда сама выберу момент, а не когда оно станет доказательством моей добросовестности.

— Хорошо.

— Вы разочарованы?

— Любопытна. Это не одно и то же.

В наушнике Зоя тихо рассмеялась. Не эфирным смехом, не вежливой отметкой конца фразы. Лада впервые услышала в нём женщину не по ту сторону задачи.

Тим позвал их обратно.

Пять слабых хвостов метки имели разные задержки. Самый близкий отставал на долю секунды, самый дальний — почти на девять. На записи Нины было семь хвостов. Перед школой Саввы — один. Перед тремя одновременными звонками — пять.

— Это адреса? — спросила Рита.

— Не сами адреса, — сказала Зоя. — Скорее свободные траектории до соседних ветвей.

— Семь траекторий в ночь, когда мы никому не ответили, одна — когда ответили Савве, пять — перед тремя звонками, — перечислил Тим. — После каждой передачи их меньше?

Зоя наложила временные шкалы. Один из хвостов исчез ровно после предупреждения школе. Другой — после речной линии. Остальные не исчезали, а смещались.

— Передача меняет не только память оператора, — сказала она. — Она меняет доступность ветвей.

— Мы закрываем дорогу в мир, которому отвечаем? — спросила Лада.

— Или во все миры с близким адресом. Пока не знаю.

Это была новая цена, и в ней не было ничего личного, что позволило бы вынести её одной. Можно было спасти сорок шесть человек и навсегда лишить связи тысячи других. Можно было принять слабый хвост за шум и не узнать, что дверь уже закрыта.

Рита добавила к таблице новый критерий: «Влияние на будущую доступность».

— Пока не умеем измерять, — сказал Антон.

— Поэтому и записываем.

Зоя предложила пассивную пробу: двенадцать часов наблюдать метку без вызова личных воспоминаний и без ответного контура. Тим настроил автоматическое сравнение хвостов. Лада добавила условие: ни один оператор не удерживает личный образ ради измерения без отдельного согласия и врача на связи.

— Поддерживаю, — сказала Зоя.

— Даже если это замедлит исследование?

— Особенно если замедлит. Скорость — плохое оправдание, я уже проверила.

Лада поняла, что это второе извинение. Первое было словом. Второе — правилом, которое Зоя согласилась применить против собственной работы.

Вечером, перед обычным эфиром, они провели последнюю нейтральную пробу. Лада читала прогноз воды, Зоя называла контрольные числа, Тим следил за шестью ударами. Ничего не раздваивалось.

— На сегодня всё, — сказала Зоя.

— Вы обычно заканчиваете разговор так, будто закрываете сменный журнал.

— А как нужно?

— Не знаю. Это была не инструкция.

— Тогда попробую иначе. Доброй ночи, Лада.

— Вы останетесь на канале ещё шесть часов.

— Да. Но доброй ночи можно пожелать заранее.

Лада улыбнулась красной лампе, которая ещё не горела.

— Доброй ночи, Зоя.

За минуту до начала эфира метка возникла снова: четыре коротких, два длинных. Автоматический анализатор показал шесть слабых хвостов вместо пяти.

Ни один телефон ещё не звонил.

Тим вывел на экран карту задержек.

— Один вернулся, — сказал он.

— Или пришёл новый, — ответила Зоя.

Лада надела наушники. Теперь тишина между голосами больше не была пустой.

Глава 7. Мир без Кирилла

Первый звонок пришёл в 00:41, но вначале Лада решила, что слышит собственную студию.

В трубке гудела вентиляция, звенела плохо закреплённая решётка, а далеко за голосом мужчины трижды коротко просигналил портовый тягач. Такие звуки поднимались к окнам «Полночи» каждую ночь. Даже пауза между гудками совпала.

— Лада Миронова? — спросил мужчина.

Не «радио», не «служба», не имя программы. Лично её.

— Представьтесь и скажите, откуда звоните.

— Глеб Роен, третий терминал, диспетчерская над восточным накопителем. Если это снова запись, назовите цвет Кириловой кружки.

За стеклом Тим поднял голову. Рита перестала печатать. На служебной линии Зоя произнесла:

— Не отвечайте на личную проверку. Собираем независимые признаки.

— Какой Кирилл? — спросила Лада.

— Ваш брат. Миронов. Кружка синяя, с белым маяком, ручка отбита. Он держал её в шкафчике на дамбе, потому что из неё невозможно было пить и невозможно выбросить. Вы подарили её после его первого самостоятельного дежурства.

Лада знала эту кружку. Не синюю — тёмно-зелёную. Не с маяком — с серебряной волной. Ручка была цела, зато по краю шла трещина, которую Кирилл каждые полгода обещал заклеить. Подарок действительно был от неё, но не после первого дежурства, а после рождения Тима.

Три совпадения и три несовпадения. Почти учебный адрес.

— Что произошло с Кириллом в вашей ветви?

Глеб вдохнул так, будто именно этого вопроса ждал и боялся.

— Его нет двенадцать лет.

В монтажной Тим резко снял наушники. Рита положила ладонь ему на плечо, но он отодвинулся не сердито, а чтобы дотянуться до регулятора громкости. Вернул наушник к одному уху.

— Причина смерти? — спросила Лада.

Слово получилось ровным. Голос ночной ведущей, ниже на полтона и медленнее на восемь процентов.

— Пожар на ремонтном понтоне у шестой опоры. Он вывел двоих сварщиков и вернулся за диспетчером. Перекрытие упало раньше, чем обещала схема.

— Как звали диспетчера?

— Меня.

Метка под голосом Глеба отдала четыре коротких и два длинных импульса. Шесть хвостов на экране сдвинулись, один стал ярче.

— Лада, — сказала Зоя, — сходство пока ноль целых пятьдесят восемь. Семейные сведения не считаем самостоятельным признаком. Нужен портовый фон, сеть, локальное событие.

— Глеб, какая авария произойдёт?

— В два десять загорится склад аккумуляторного геля у восточного накопителя. Через семь минут огонь перекинется на цистерны с пенным растворителем. Автоматика покажет локализацию, потому что датчики стоят под потолком, а гореть сначала будет в кабельной траншее. Ночную смену запрут противопожарные створки.

— Сколько людей?

— Двадцать семь в терминале. Ещё шестнадцать на двух буксирах, если облако пойдёт к воде. Я могу вывести своих сейчас, но начальник смены уже вызвал охрану: считает, что я сорвал пломбу без основания. Мне нужен код из центральной системы или предупреждение по аварийному каналу.

Рита открыла карту порта их Приливска. Восточный накопитель существовал, но вместо аккумуляторного геля хранил керамический наполнитель. Шестая опора дамбы проходила в другом створе. За окном снова прогудел тягач — два раза, не три.

— У вас северный док открыт? — спросил Тим в служебный микрофон. Лада подняла бровь, и он добавил: — Это проверяемо. У нас его закрыли после шторма девяносто второго.

Лада передала вопрос.

— Открыт, — ответил Глеб. — Через него ведут новый кабель к островной подстанции.

— Частота сети? — спросила Зоя.

— Пятьдесят герц.

— Нужен акустический образец. Попросите его положить терминал на металлический стол и не говорить десять секунд.

Глеб подчинился. В студию вошёл чужой порт: тяжёлая вентиляция, двойной удар контейнерного замка, далёкое объявление о заходе буксира «Сонный». У них судно с таким именем списали восемь лет назад. В конце образца прозвучал высокий писк.

— Газоанализатор, — сказал Кирилл по редакционной линии.

Он подключился без приветствия. На экране рядом с его именем горел значок защищённого канала дамбы.

Тим замер. Лада не успела решить, стоило ли звать брата: это сделала Рита, потому что семейное знание уже влияло на проверку и скрывать его от эксперта было опаснее.

— У них старый «Фарос-девять», — продолжил Кирилл. — После калибровки он пищит каждые тридцать секунд. У нас такие заменили. И понтон у шестой опоры действительно планировали до переноса фарватера.

— Ты слышал про себя? — спросила Лада.

— Слышал достаточно. Работайте с пожаром.

Глеб вернулся в линию.

— Там Кирилл?

— Это не относится к адресу.

— Относится. Пусть скажет, где лежит аварийный рычаг восточной створки.

— Нет, — сказал Кирилл. Его голос прошёл в студию только по внутреннему каналу. — Я не буду доказывать ему, что жив.

Лада отключила внутренний звук от «Хора», хотя Глеб всё равно не мог его слышать.

— Мы проверяем событие, — сказала она звонящему. — Не мою семью.

— Я двенадцать лет представлял этот разговор иначе.

— А у вас было основание ждать его?

— После смерти Кирилла я нашёл его служебную тетрадь. На последней странице он записал вашу частоту и фразу: «Если вода пойдёт раньше голоса, звони Ладе». Я думал, это семейная шутка. Потом начались провалы в эфире. Вчера я услышал вас на минуту — вы говорили о критериях выбора.

Рита быстро написала на планшете: Он мог слышать открытый эфир?

Зоя ответила в общем журнале: Межветевой приём возможен. Это снижает ценность всех публичных сведений.

— Покажите тетрадь камере терминала, — попросила Лада.

— У «Хора» нет видео.

— Не нам. Вашей портовой системе. Назовите номер записи, время и контрольную сумму файла. Мы сверим косвенный след.

Глеб на несколько секунд исчез. Лада слышала, как он спорил с кем-то за дверью, потом металлический шкаф хлопнул. На экране вырос фазовый след: чужая сеть подтвердила загрузку крупного файла в локальный архив. Содержимого они не видели, зато время и объём совпали с действиями Глеба.

— Запись Р-четырёхста одиннадцать, — сказал он. — Загружена. И пожар уже начинается: температура в траншее поднялась на восемь градусов.

До предполагаемого воспламенения оставался час и одиннадцать минут.

Зоя вывела оценку: 0,81. Высокая, но не окончательная.

— Портовая схема допускает указанную цепочку? — спросила Рита у Кирилла.

— Да. Если гель у них того же класса, пенным растворителем его не тушат. Их автоматика задраит сектор и включит пену — станет хуже. Нужно обесточить подачу с островной стороны, открыть нижние продухи и выводить смену к северному доку до закрытия створок.

— Почему Глеб не может сделать это сам?

— Может открыть продухи вручную. Подстанцию из терминала не отключит. А эвакуацию без общего сигнала охрана остановит.

Лада записала формулировку предупреждения. Не «верьте Глебу Роену» и не «в будущем будет пожар», а последовательность наблюдаемых действий: проверить температуру кабельной траншеи, заблокировать автоматическое пенообразование, обесточить островную подачу, открыть маршрут через северный док.

— До решения сорок секунд, — сказала Зоя.

— Почему сорок? — спросила Рита.

— Адрес уходит. Яркий хвост совпал с линией Глеба и сокращается.

На таблице этой ночи был один подтверждённый звонок. Другие хвосты могли привести к ещё пяти голосам, но пока молчали. Ответ сейчас означал выбрать известную опасность раньше, чем неизвестные получили шанс прозвучать.

— Критерии, — сказала Лада.

Рита читала быстро:

— Адрес подтверждён. Необратимый срок — менее семидесяти минут, адресное окно закрывается сейчас. Действие ясное. Запасной канал заблокирован начальником смены и охраной. Масштаб — от двадцати семи до сорока трёх. Влияние на будущую доступность неизвестно: исчезнет один яркий хвост, возможен сдвиг соседних.

— Риск самой передачи? — спросил Кирилл.

— Потеря памяти Лады и возможная потеря траектории, — ответила Зоя.

— Я спрашиваю не вас.

Лада поняла, что брат злится не на Зою. На порядок, в котором его смерть стала одним из признаков чужого адреса, а её память — строкой в таблице.

— Риск мне понятен, — сказала она. — Я согласна на одну передачу.

— Лада, он знает нас потому, что я там погиб.

— Да.

— И ты сейчас будешь спасать человека, который выжил вместо меня.

Рита медленно подняла глаза. Тим смотрел в стол.

— Не вместо тебя, — сказала Лада. — Он не занимал твоё место. Он оказался рядом и выжил.

— Удобная разница.

— Не удобная. Необходимая.

Десять секунд.

Рита вставила механический ключ. Зоя подтвердила адрес цифровым. Третий переключатель оставался под ладонью Лады.

— Кирилл, — сказала она, — если ты хочешь, чтобы я остановилась из-за тебя, скажи это прямо.

В канале стало тихо. Она не дала ему времени, которого уже не было, и не могла сделать вид, будто дала.

— Не смей делать меня причиной, — ответил он.

Лада повернула ключ.

Красная лампа зажглась. «Хор» сжал студию до голоса и дыхания. Лада прочла предупреждение дважды: первый раз полностью, второй — только действия и маршрут. На словах «северный док» основной импульс раздвоился. На последней секунде Глеб сказал:

— У Кирилла был сын. Тим. Он уехал из города после похорон.

Ответный контур закрылся.

Лада сорвала наушники. Не потому, что фраза причинила боль, — она ещё не успела понять какую, — а потому, что «Хор» уже выбирал плату.

Рита положила перед ней карточки памяти.

Имя матери. Последний разговор. Зелёный шарик. Первый эфир. Первая школьная драка Кирилла. Рождение Тима. День, когда он впервые назвал её тётей без подсказки. Поход втроём на северный мол. Восемь карточек, проверяемых только теми, кому принадлежала часть событий.

— Имя матери? — спросила Рита.

— Инга Миронова.

— Первый эфир?

— Сломанный кондиционер, мокрые ладони, красная лампа. Ты подняла большой палец.

— Рождение Тима?

Лада увидела белый коридор роддома, Кирилла в слишком большом одноразовом халате, закрытую дверь. Потом — младенца у него на руках. Между этими кадрами должно было быть что-то важное.

— Я ждала в коридоре, — сказала она. — Кирилл вышел с Тимом.

Тим поднял голову.

— Ты была в палате.

— Нет. Меня не пустили.

— Пустили после папы. Ты держала меня первой из семьи после него. Боялась сесть, потому что думала, что уронишь.

Лада снова посмотрела внутрь воспоминания. Белый коридор заканчивался дверью, за которой ничего не было. Она знала со слов Тима, что там стояла, но тело не помнило ни веса, ни тепла, ни страха.

— Потеря подтверждена, — сказала она.

Тим отвернулся к экрану. Его плечи оставались прямыми.

— Я могу потом рассказать, если захочешь.

— Спасибо. Не сейчас.

Это правило уже спасало их от добрых подмен. Но впервые Лада увидела его жестокость с другой стороны: Тим не только потерял место в её памяти, но и должен был ждать разрешения рассказать собственное рождение.

Кирилл отключился, не попрощавшись.

— Я свяжусь с ним, — сказала Рита.

— Нет. Он просил не делать его причиной. Это включает право злиться без посредника.

— А Тим?

— Я здесь, — сказал Тим. — И я работаю.

Он показал карту метки. Яркий хвост исчез после передачи, как предполагала Зоя. Но вместе с ним два соседних сблизилась и стали различимы как отдельные траектории.

— Мы не просто закрыли одну дверь, — сказал он. — Мы сдвинули две другие.

— Запиши без вывода, — попросила Зоя. — Наблюдение важнее красивой модели.

Они ждали подтверждения сорок три минуты.

Сначала в линии Глеба слышались команды и сирена. Потом голос пропал, а фазовый след продолжил жить. В чужом локальном эфире диспетчер островной подстанции повторил полученный код и подтвердил отключение. Через семь минут порт сообщил о возгорании в кабельной траншее. Створки восточного сектора не закрылись: автоматику успели перевести в ручной режим. Двадцать семь работников вышли через северный док. Буксиры отошли против ветра.

Последним вернулся Глеб.

— Все вышли, — сказал он. Кашлял он сухо, но говорил ясно. — Один ожог кисти, двое надышались. Пожарные локализуют траншею.

— Подтвердите, что предупреждение было принято портовой системой, — сказала Рита.

— Подтверждаю. Журнал не удалю.

Он помолчал.

— Кирилл правда жив?

Лада посмотрела на пустой значок братского канала.

— В нашей ветви — да.

— Передайте ему...

— Нет. Спросите сначала, хочет ли он получить сообщение.

Глеб тяжело выдохнул.

— Тогда спросите.

— Это могу.

Связь оборвалась в 02:03. Метка осталась.

До конца эфира больше никто не позвонил. Пять хвостов звучали под музыкой и сводками, но ни один не превратился в голос. Цена раннего выбора так и осталась неизмеримой: они знали, кого спасли, и не знали, кому не дали договорить.

После рассвета Тим распечатал две карты — до передачи и после. На первой яркая линия Глеба стояла отдельно. На второй две слабые линии почти соприкасались.

— Если это миры рядом с его ветвью, там папа тоже может быть мёртв, — сказал он.

— Может, — ответила Лада.

— А может быть жив.

— Может.

Он свернул листы трубкой.

— Мне не нравится, когда вероятность говорит о нём как о погоде.

— Мне тоже.

— Но ты всё равно ответила.

— Я ответила порту. Не миру без Кирилла.

Тим кивнул не сразу. Это не было прощением, потому что он её ни в чём не обвинял. Скорее проверкой формулировки на прочность.

— Про роддом я помню сам, — сказал он. — Даже если ты не помнишь.

Лада протянула руку, но остановила её между ними. Тим сам шагнул ближе и прижался лбом к её плечу. Она обняла его, зная историю этого жеста и не узнавая его начало.

В наушнике, который всё ещё висел на одном ухе, прозвучал голос Зои:

— Лада, я на связи. Отвечать не обязательно.

Лада закрыла глаза.

— Оставайтесь, — сказала она.

Зоя осталась молча. В этот раз молчание не требовало ни доказательств, ни решения.

Глава 8. Девяносто секунд

Кирилл не отвечал одиннадцать часов.

Лада отправила ему только один вопрос: «Глеб просит передать сообщение. Ты хочешь его получить?» Не объясняла, почему это может быть важно, не напоминала, что в другой ветви он погиб, не добавляла привычного «позвони, когда сможешь». Вопрос остался с одной отметкой доставки.

К полудню порт чужого Приливска подтвердил: двадцать семь человек выведены, двое после ингаляции выписаны из медпункта, работник с ожогом кисти останется под наблюдением. Рита подготовила короткую сводку без фамилии Глеба и семейной истории. Антон вернул текст с заголовком «ГОЛОС МЁРТВОГО ДИСПЕТЧЕРА СПАС ПОРТ».

Рита удалила заголовок раньше, чем Лада успела его дочитать.

— Он говорит, это привлечёт поддержку станции, — сказала она.

— Пусть поддерживает станцию без моего живого брата в роли мертвеца.

— Уже сказала.

Они выпустили сводку под сухим названием «Подтверждение предупреждения от 21 октября». В ней были время, критерии, действия и цена: одно автобиографическое воспоминание оператора утрачено. Ни слова о том, чьё.

Через четыре минуты слушатели начали присылать вопросы. Почему выбрали порт до появления других звонков? Кто разрешил Ладе платить памятью? Можно ли пожертвовать воспоминанием добровольно? Что важнее — спасённые люди или миры, которые после ответа стали недоступны?

На последний вопрос ответа не было.

Тим сидел в архивной комнате и размечал карту хвостов. Он пришёл после школы без рюкзака, будто не собирался оставаться, но снял куртку и попросил доступ к сырым записям.

— Ты не обязан сегодня работать, — сказала Лада.

— Ты тоже.

— Я взрослая и подписала согласие.

— А я несовершеннолетний и не подписывал согласие исчезнуть из твоей памяти.

Он сказал это спокойно. Именно поэтому Лада не смогла защититься готовой фразой.

— Ты не исчез.

— Один мой день исчез.

— Наш день.

— Для меня он остался. Значит, пока ещё наш.

Лада села напротив. На столе между ними лежали две карты ветвей и коробка карточек «Помню сама / узнала потом / не уверена».

— Я не знаю, как правильно разделить такую потерю, — сказала она.

— Не называй её только своей.

— Хорошо.

— И не обещай, что больше никогда.

— Почему?

— Потому что ты не исполнишь.

В пятнадцать лет Тим уже умел отличать границу от угрозы. Лада почувствовала гордость, а следом страх: она могла однажды сохранить факт, что гордилась им, и потерять сам момент.

— Я могу обещать, что решение не будет тайным и автоматическим.

— Это уже было в прошлый раз.

— Тогда какое обещание тебе нужно?

Тим подвинул к ней карточку.

— Что перед передачей ты будешь проверять не только, согласна ли ты потерять. Ещё — кто потеряет это вместе с тобой.

Лада написала на обороте: Цена для других носителей общего воспоминания.

— В критерии? — спросил он.

— В критерии.

В семнадцать тридцать Кирилл прислал ответ: «Нет».

Одно слово относилось к сообщению Глеба. Возможно, и к разговору с Ладой. Она ответила: «Принято».

К вечернему совещанию Зоя подготовила реконструкцию передачи. Девяностосекундное окно не было просто пределом длительности: первые двадцать секунд «Хор» закреплял ветвь, следующие пятьдесят удерживал обратный канал, последние двадцать использовал для безопасного распада адреса. Лада говорила семьдесят четыре секунды. Фраза Глеба о Тиме вошла в последние шестнадцать — туда, где посторонний голос уже не должен был проходить.

— Почему прошёл? — спросила Рита.

— Потому что система приняла его как часть стабилизирующего воспоминания, — сказала Зоя. — Он назвал близкого человека Лады в момент распада канала.

— И этим выбрал, что у неё забрать?

— Не могу утверждать. Но совпадение слишком точное.

Лада вспомнила, как Глеб сказал: «У Кирилла был сын. Тим». После этих слов пропала палата роддома.

— Значит, звонящий может направить цену.

— Возможно. Нам нужен запрет входящего звука после семидесятой секунды и автоматическое закрытие на восемьдесят пятой.

— Тогда у предупреждения останется меньше времени, — сказал Антон.

— Достаточно, если редактор заранее готовит текст, — ответила Рита.

— А если нужно уточнение?

— Тогда его задают до ключей.

Зоя добавила три пункта: исходящий текст не длиннее шестидесяти секунд; входящий звук глушится после подтверждения приёма; остаток окна принадлежит безопасному распаду, а не разговору. Назвали это правилом девяности секунд, хотя его смысл был в том, чтобы не использовать все девяности.

— Есть возражения? — спросила Зоя.

— Есть, — сказал Кирилл.

Его значок появился на экране без предупреждения. Лада не знала, слушал ли он всё совещание или подключился недавно.

— Говори, — сказала Рита.

— Вы обсуждаете, как аккуратнее отрезать от моей сестры куски, и называете это протоколом.

— Мы обсуждаем снижение риска, — ответила Зоя.

— Риск не снижается до нуля.

— Нет.

— Тогда запретите передачу.

Лада хотела сказать, что это не его решение. Остановилась: именно эту фразу он слышал от неё слишком часто, когда речь шла о нём самом.

— Ты просишь закрыть ответный контур совсем? — уточнила Рита.

— Да. Пока не найдёте способ платить чем-нибудь, кроме человека.

— Я тоже человек, — сказала Зоя. — И я за закрытие контура, если нет отдельного решения на каждую ночь.

— Вы строили эту вещь.

— Нет. Я исследовала её после сборки. Но участвовала достаточно, чтобы не снимать с себя ответственность.

Кирилл пропустил признание, будто оно было уловкой.

— Лада, тебе не хватило маминого голоса? Тайника? Рождения Тима?

— Хватило.

— Тогда почему мы ещё разговариваем о следующем разе?

— Потому что двадцать семь людей вышли из огня.

— Чужих людей.

— Да.

— А мы кто?

Лада посмотрела на Тима. Он сидел вне кадра, но Кирилл знал, что сын в комнате.

— Люди, которые тоже платят, — ответила она. — И раньше я этого не учитывала.

— Теперь учтёшь и всё равно нажмёшь.

— Возможно.

Честный ответ оказался жестче любого обещания.

Кирилл отключился.

В ту ночь они могли оставить передатчик физически заблокированным. Антон даже подготовил приказ. Но временный протокол требовал решения до появления звонка, а не из страха перед конкретным голосом. Рита проголосовала за одно окно с новыми ограничениями. Зоя — за приём при заблокированном ответе, пока общественный совет не утвердит цену для близких. Лада должна была дать третий ключ и не дала его.

— Я не отказываюсь отвечать навсегда, — сказала она. — Сегодня у нас нет согласия тех, чьи общие воспоминания могут стать ценой.

Тим выдохнул.

В 00:17 «Хор» проснулся. На анализаторе возникло пять хвостов: два сближенных после ветви Глеба и три прежних. Ответный переключатель лежал в сейфе Риты.

До 02:56 звонков не было. Лада вела обычный эфир: приливы, ночные маршруты, музыка без слов. Зоя оставалась на служебном канале, но говорила только по делу. Тишина между ними сегодня была не близостью, а работой.

В 02:57 позвонила женщина.

— Станция «Полночь»? Меня зовут Дара Вей. Мы на сортировочном кольце западного порта. Конвейер заблокировал смену в холодильном секторе. Через сорок минут пойдёт аварийный аммиак.

Лада закрыла глаза на одну секунду.

Снова порт. Другая ветвь, другой участок, другой человек. Один из двух сближенных хвостов стал ярким.

— Сколько работников в секторе?

— Тридцать один. Аварийные двери не открываются, потому что система видит движение ленты. Мы остановили её физически, но датчик показывает ход.

— Есть иной выход?

— Сервисный тоннель. Он закрыт со стороны городской магистрали. Нужно, чтобы диспетчер транспорта снял блокировку. Наши вызовы уходят на внутреннюю охрану.

Рита молча вынула из сейфа ответный переключатель, но не поставила на пульт.

Они проверяли ветвь двадцать минут. В мире Дары западное сортировочное кольцо построили вместо северного дока. Сеть давала фазовый сдвиг, близкий к ветви Глеба, но акустический отпечаток холодильного сектора отличался. Местная сводка упоминала ледяной дождь, которого не было у них. Вероятность адреса выросла до 0,76.

— До выброса восемнадцать минут, — сказала Дара. — Люди ломают внутреннюю дверь. Она рассчитана на давление с другой стороны.

— Можно предупредить вашу транспортную службу через обычный эфир? — спросила Рита.

Тим уже искал траекторию сигнала.

— Межветевой приём открытого эфира случайный, — ответил он. — Вчера Глеб слышал минуту. Мы не знаем, когда и где появится.

Зоя вывела на экран красную строку: Ответный контур не разрешён на это окно.

— Мы приняли решение до звонка, — сказала она.

— На основании цены для семьи, — ответила Лада.

— И цена не изменилась от числа людей за дверью.

— Изменилась информация о последствиях отказа.

— Тогда решение «до звонка» ничего не значит.

Рита положила переключатель на стол.

— Новый протокол допускает экстренный пересмотр?

— Нет, — сказала Зоя.

— Старый тоже не запрещает.

— Это не аргумент безопасности.

Лада слушала дыхание Дары. За ним люди били по двери чем-то тяжёлым. Память уже подсовывала ей возможные потери: первый школьный день Тима, его смех на северном молу, вчерашнее объятие. «Хор» мог взять любое. Или ничего из этого. Неопределённость превращала всех близких в невольных участников.

— Тим, — сказала она, — выйди из студии.

— Нет.

— Это не просьба об участии.

— Тогда не спрашивай моего согласия после того, как решила.

Лада посмотрела на Риту.

— Дайте ему ключ к глушению входящего звука. Не к передаче.

— Он несовершеннолетний, — сказала Зоя.

— Поэтому только технический стоп. Если он не нажмёт, передача не начнётся. Если нажмёт во время неё, канал закроется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.